

"Не обязан жениться"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Либрусек

Люси Монро

Не обязан жениться

Роман

Lucy Monroe

One Night Heir

One Night Heir © 2013 by Lucy Monroe

«Не обязан жениться» © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

Глава 1

Наследник престола, принц Воларуса Максим, был в ярости. С наслаждением давая ей выход, он с ловкостью опытного кикбоксера провел связку ударов в корпус. Демьян, его кузен и спарринг-партнер, блокировал атаку. Удары пришлись в защитную экипировку. В восклицании Демьяна явственно слышалось удивление.

- Вы чем-то недовольны, ваше высочество?

Макс терпеть не мог, когда кузен, четырьмя годами старше его, выросший в королевском дворце на правах его брата, обращался к нему, используя титул.

Демьян прекрасно знал об этом, но любил позлить двоюродного братца, особенно во время тренировок. Он не раз говорил, что так бой у них идет энергичнее.

Но сегодня он задал кузену жару и без дополнительного поддразнивания. И Демьян этого вполне заслужил.

- Твою самодовольную улыбочку все равно ничем не сотрешь!

Отступив на секунду, Макс вновь ринулся в атаку и провел следующую молниеносную серию ударов.

Они были отличными спарринг-партнерами: оба ростом под два метра, отлично сложенные и с идеально тренированными мускулами.

- Насколько я понимаю, вчера ты отлично провел ночь с Джиллиан? - спросил Демьян. На сегодняшней тренировке он вел себя необычно. - Только не говори, что она собирается тебя бросить!

- Если бы я собирался сделать ей предложение, она бы, разумеется, его приняла. - Действительно, вчерашняя ночь с Джиллиан была для Макса истинным наслаждением. Теперь же эти воспоминания дразнили его недоступностью того, чего - вернее, кого - он так жаждал.

Джиллиан.

- Так в чем проблема? - С этими словами Демьян пошел в атаку, заставив Макса защищаться от града ударов.

- Я получил ее медицинские документы.

- Надеюсь, с ней все в порядке? - В голосе Демьяна слышалось искреннее беспокойство. Кузен Макса пользовался репутацией человека холодного и безжалостного, и подобное проявление заботы из его уст поразило бы кого угодно - но не Макса. Принц знал, как близко к сердцу Демьян принимает дела семьи. А нежная красавица Джиллиан в течение последних восьми месяцев постепенно обретала все больше шансов породниться с династией.

- С ней все в порядке. - Да, если, конечно, не считать серьезных проблем с яичниками. - В данный момент.

- То есть?

- В шестнадцать лет ей удалили аппендикс.

- Это было десять лет назад. Как это связано с ее теперешним здоровьем?

- Проблемы с фаллопиевыми трубами.

- Что?

Мгновенно забыв про бой, Демьян непонимающе смотрел на Макса. Но принц не собирался давать тому передышку и тут же воспользовался невнимательностью спарринг-партнера и точно нацеленным ударом сбил Демьяна с ног. Макс ждал, что тот вновь ринется в бой, но Демьян, встав на ноги, не проявлял желания продолжать спарринг.

- Подожди! Объясни мне, как чертов аппендицит в подростковом возрасте может повлиять на фаллопиевы трубы взрослой женщины?

Демьян был отнюдь не глуп. Он понимал, что вопрос о том, сможет ли Джиллиан рожать, имеет огромное значение для дома Юрковичей, королевской семьи Воларуса.

- У нее проблемы с репродуктивной системой. - Марк поправил перчатки для спарринга. - Шансы на то, что она сможет забеременеть, немногим меньше, чем один к трем.

По одним оценкам - гораздо меньше, по другим - чуть больше. Специалисты, с которыми консультировался Макс, говорили разное.

Демьян отбросил со лба волосы - такие же темные, как у Макса.

- А если она будет лечиться? Есть современные методы оплодотворения? - поинтересовался он.

- Я не хочу стать отцом шестерни, - ответил Макс.

- Не будь идиотом.

- Я не идиот. Ты прекрасно знаешь, что я не могу жениться на женщине, не способной произвести на свет наследника плюс еще одного - про запас.

Демьян помолчал. Они оба слишком хорошо знали, сколь высока может быть цена подобных проблем.

- Ты - не твой отец, - проговорил наконец Демьян. - Ты не обязан жениться на той, которую не любишь, лишь ради рождения наследника.

- Я и не собираюсь, - откликнулся Макс. - Впрочем, как и на женщине, которая мне нравится, но которая сможет родить его только с помощью медицинских процедур - кстати, весьма неприятных и не всегда успешных.

- Вы можете усыновить ребенка.

- Как мои родители усыновили тебя?

- Официально они меня не усыновили. Я так и остался Зарецким. Твой отец с самого начала не планировал оставлять мне в наследство трон.

- Он считал тебя запасным, - со злостью пробормотал Макс.

- Что ж, долг есть долг, - пожал плечами Демьян.

- И мой долг не позволяет мне сделать предложение Джиллиан Харрис.

Да. А его честь требовала порвать с ней как можно скорее.

- Ты не любишь ее? - без особого любопытства спросил Демьян.

- Тебе лучше знать.

- От любви не бывает ничего, кроме страданий, - откликнулся Демьян. Это было одно из любимых изречений матери Макса.

- И компромиссов с долгом, - закончил цитату принц.

Они оба верили в истинность этих слов. На то у каждого из них были свои причины.

- Что же ты собираешься делать? - поинтересовался Демьян, вновь принимая боевую стойку.

- А ты как думаешь? - Макс провел резкий удар слева.

- Я буду по ней скучать.

Что ж, в этом Макс не сомневался. Одной из причин, по которой он уже почти собрался сделать Джиллиан предложение, было то, что, несмотря на самое простое воспитание и детство, проведенное в заштатном городишке, она удивительно быстро нашла общий язык с его родными. Джиллиан умела ловко обходить острые углы, на которые другая непременно наткнулась бы.

Впрочем, будучи дочерью известного журналиста, она с юных лет бывала на мероприятиях с участием влиятельнейших и богатейших людей планеты.

Блокировав удар Макса, Демьян перешел в атаку.

- Ты скажешь ей сегодня вечером?

- Может, это и не понадобится, - ответил Макс.

Наверное, голубоглазая красавица блондинка уже получила результаты своего последнего обследования. Теперь Джиллиан и сама знает, почему ее месячные проходят так нерегулярно. Понимает она и обязанности, связанные с его положением. Наверняка она поймет, что их отношениям пришел конец. Зная ее редкое здравомыслие, он надеялся, что все пройдет без душераздирающих сцен.

- Да, ба, думаю, сегодня вечером это произойдет, - проговорила Джиллиан в телефонную трубку, прижимая ее к уху плечом и прыгая на одной ноге, пытаясь натянуть туфлю.

- Он говорил, что любит тебя? - требовательно спросила Эвелин Харрис, ее бабушка, растившая внучку с самого детства.

- Нет.

- Твой дедушка говорит мне, что любит меня, каждый вечер, перед тем как лечь спать. Вот уже сорок восемь лет.

- Я знаю, ба, - откликнулась Джиллиан.

Что ж, Макс был совершенно другим человеком. Он привык скрывать чувства. Он считал это требованием, обязательным для любого члена королевской семьи, и подчинялся ему, как полагается принцу, чтущему свой долг. Только когда они занимались любовью, он позволял себе дать волю эмоциям. И то лишь до некоторой степени.

Макс занимался сексом с сосредоточенной энергией мужчины, думающего лишь о том, как доставить удовольствие партнерше. Он полностью растворялся в женщине, с которой делил постель.

В течение последних семи месяцев этой женщиной была Джиллиан.

Они целый месяц встречались перед тем, как он все-таки затащил ее в постель. Столь долгий срок удивил ее, особенно учитывая его репутацию. Лишь позднее она поняла то, что казалось почти невероятным: ему было нужно нечто большее, чем очередная партнерша.

Это шокировало, волновало, но, пожалуй, больше всего - поражало.

Она не была женщиной его круга. Она не принадлежала к числу людей богатых, знаменитых и влиятельных. Разве что отец, бывая в городе, с удовольствием встречался с ней. В таких случаях ей приходилось составлять ему компанию на разнообразных официальных мероприятиях. Он не мог позволить себе тратить время лишь для того, чтобы навестить дочь, так что он просто включал их встречи в свой напряженный график. Так что, как дочь известного журналиста, Джиллиан куда чаще посещала светские и дипломатические рауты, чем позволяло ей ее собственное скромное положение в обществе.

Сама она поразила сильнее, чем кто бы то ни было, когда выяснилось, что именно ее, ничем не примечательную девушку, удостоил своим вниманием наследный принц Воларуса Максим Юркович. Его знаки внимания и несколько реплик, брошенных при встрече его матерью-королевой, ясно дали ей понять: присматривая невесту для принца, королевская семья не обращает внимания на известность претендентки. Честно говоря, Джиллиан всегда считала, что Макс выберет девушку более знатного происхождения. Но представления династии

Юрковичей о будущей принцессе явно отличались от тех, которыми обычно руководствуются королевские семьи. Трудно было найти более скромную кандидатку на титул, нежели девушка из заштатного городка на Аляске, зарабатывающая на жизнь «фотографированием шоколадок», как пренебрежительно выражался ее отец.

В прошлом Джиллиан не было ни загадок, ни темных пятен. Ее родители никогда не жили вместе и не занимались ее воспитанием. Накануне ее рождения они заключили брак, больше напоминавший сделку, и уже через год развелись.

- Если я повешу трубку, ты даже не заметишь. Ты опять витаешь где-то в облаках, - раздался в трубке голос бабушки.

Джиллиан, отбросив с лица пряди светлых волос, поудобнее перехватила телефон:

- Прости, ба, я не хотела...

- Конечно, не хотела. Когда ты думаешь о Максе, все остальное тут же перестает для тебя существовать. А слух вообще отключается.

- Вообще-то это не так плохо, - отозвалась Джиллиан.

Бабушка возмущенно фыркнула, ясно давая понять, что она так не считает:

- Этот мальчишка должен сказать, что любит тебя, - только после этого соглашайся стать его женой.

- Вряд ли его можно назвать мальчишкой, ба. - Джиллиан говорила об этом уже не в первый раз - впрочем, без особого эффекта.

- Джиллиан, мне семьдесят пять, так что для меня он - мальчишка.

- Некоторые люди вообще не способны произнести такие слова. - Джиллиан ловко перевела тему на то, что, она знала, было для бабушки самым важным.

- Значит, у некоторых людей меньше разума, чем у комара.

- Рич никогда этого не говорит, но он любит меня. - Не успев произнести эту фразу, Джиллиан поняла, что сама не уверена в ее искренности.

Ее отец не отличался нежностью и не любил бурных проявлений чувств. Рич Харрис не особенно старался участвовать в ее жизни, но все же именно он дал ей тех, кто всю жизнь любил ее и заботился о ней. Двоих людей, которые вырастили его самого.

- Твой отец просто дурак, что бы там ни говорили эти люди, вручившие ему Пулитцеровскую премию.

Джиллиан рассмеялась. Она знала, что на самом деле бабушка вовсе так не считает. Она страшно гордилась своим знаменитым сыном и до сих пор не теряла надежду, что однажды он станет для Джиллиан настоящим отцом.

Увы, для этого было уже поздно. Поезд ушел много лет назад. Но Джиллиан, конечно, не собиралась говорить об этом бабушке. Та слишком много для нее сделала, чтобы она могла позволить себе причинить ей боль.

- Только не говори ему этого. А то он заберет у меня фургон для кемпинга.
- Пусть попробует! Я еще могу держать в руках деревянную ложку. И с удовольствием пушу ее в ход!

Джиллиан вновь расхохоталась. Пока она росла, бабушка то и дело грозила ей знаменитой деревянной ложкой, но ни разу не пустила ее в ход.

- Клянусь, не имею понятия, в кого этот мальчишка стал таким вертопрахом! - продолжала кипятиться бабушка.

- С ним все в порядке, ба. Просто никогда не хотел иметь семью. Это не делает его плохим человеком.

- Но у него есть дочь, хочет он того или нет.

- Я в курсе.

С детства Джиллиан помнила, что, хотя ее родители и не мечтали о ее появлении на свет, они все-таки согласились подарить ей жизнь. Правда, на этом они сочли свою миссию законченной.

- Мне не нравится твой настрой, - произнесла бабушка. Этот ее тон Джиллиан ненавидела. Он означал, что бабушка готова, бросив деда в Лас-Вегасе, куда они отправились поразвлечься, немедленно лететь в Сиэтл, чтобы заняться делами внучки.

- У меня все хорошо, ба. Просто отлично. - Еще бы! Она ведь вот-вот будет помолвлена с мужчиной, которого любит всей душой! - Мне не нужны никакие слова.

Ее действительно не интересовали слова. Она предпочитала действия. Она хотела, чтобы Макс думал о ней в первую очередь, относился к ней с уважением. Именно так он и вел себя. Несмотря на всеобщее внимание к его персоне и плотный рабочий график, он никогда не отменял свиданий, не опаздывал и с уважением относился к ее интересам, как и к ее работе студийного фотографа.

- Гм.

В одном этом звуке отразилось столько же скепсиса, сколько в предыдущих словах. Похоже, бабушка собиралась поговорить с Максом всерьез.

Джиллиан вздохнула. Ему понадобится немало сил и выдержки, чтобы пережить беседу с бабулей. А если они действительно решат пожениться - то в десять раз больше.

- Как вам с дедом Вегас? Хорошо проводите время? - поспешно спросила Джиллиан, надеясь сменить тему.

- Дед просадил кучу денег в блек-джек, зато я немало выиграла у «одноруких бандитов». - Неприкрытая радость, сквозившая в бабушкиных словах, заставила Джиллиан улыбнуться.

- Рич по-прежнему планирует приехать к вам на ужин на той неделе?

- По крайней мере, он не отказывался. Не прислал эсэмэс. - По тону, которым было сказано последнее слово, было ясно, что текстовые сообщения она не одобряет.

- Ну хорошо.

- Надеюсь, мы сможем сообщить ему радостную новость?

- Я тоже надеюсь. - Джиллиан услышала трель дверного звонка. - Это он! Мне пора.

- Позвони нам завтра, слышишь?

- Да, ба! Все расскажу!

Все еще улыбаясь, Джиллиан бросилась к двери. По дороге ее взгляд упал на бежевый конверт с результатами недавнего медицинского обследования. Она еще не успела просмотреть их, не думая, что там найдется нечто неожиданное.

Джиллиан показывалась врачам каждый год. На этом настоял ее отец - после того, как в шестнадцать лет она едва не умерла от аппендицита. Она считала это проявлением искренней отцовской любви, которую он не умел выразить иначе.

Джиллиан распахнула дверь. На пороге стоял Макс - серьезный и неотразимо привлекательный в черном костюме от Армани. Почти два метра его мускулистого тела излучали уверенность.

- Ты рано. - Джиллиан улыбнулась ему.

- И все равно ты уже готова. Ты необыкновенная женщина, Джиллиан Харрис. - Он не улыбнулся в ответ. Его темно-карие глаза жадно и внимательно оглядывали ее.

Он всегда так смотрел на нее - и тогда она верила, что ни одна супермодель в мире не сможет отвлечь его от ее самых обыкновенных светлых волос, голубых глаз, среднего роста и вполне стандартной фигуры.

- Бабушка всегда не могла терпеть, когда опаздывают. - Джиллиан посторонилась, давая Максиму пройти.

- А еще ты, наверное, не могла меня дождаться. И поэтому торопилась одеться, - с дразнящей усмешкой сказал он.

- И это тоже. - Она улыбнулась в ответ.

Наклонившись, он запечатлел на ее губах поцелуй - мимолетный, будто вежливое приветствие. Она откликнулась, слегка приоткрыв рот навстречу его губам - ей нравилось смешивать свое дыхание с его.

Невнятно простонав, он стал целовать ее настойчивее, прижав к себе и вместе с ней протиснувшись от дверей внутрь дома. И как это часто случалось во время их поцелуев, мир перестал для нее существовать. Единственное, что она осознавала, - его губы, касающиеся ее рта, его сильное тело, прижимающееся к ней.

Когда они наконец оторвались друг от друга, оба тяжело дышали.

Его глаза остановились на плотном конверте с результатами обследования. Джиллиан едва успела открыть его - звонок от бабушки помешал ей просмотреть содержимое. Впрочем, она не считала это важным. В конце концов, ей всего двадцать шесть, она молода, ведет здоровый образ жизни, и здоровье ее еще ни разу не подводило.

Бабушка непременно попеняла бы ей за такую беспечность. Хорошо, что она в Лас-Вегасе.

- Ты получила результаты обследования? - спросил Макс с подчеркнутым безразличием.

Кивнув, Джиллиан прошла в гостиную.

- Выпьешь чего-нибудь?

- Глоток «Олд Палтни», если он у тебя есть.

- Ты же знаешь, что есть. - Она держала у себя неприменную бутылку этого односолодового виски двадцатиоднолетней выдержки с тех пор, как однажды Макс признался, что предпочитает его любым другим напиткам.

Она налила янтарную жидкость в стакан и, не добавляя льда, подала Макс.

- Спасибо.

Он сделал необычно большой глоток. Ее умилило это проявление нерешительности: ведь обычно он был так самоуверен!

- Ты не говорила мне, что в шестнадцать лет у тебя был аппендицит.

- Ты не спрашивал. - В конце концов, тонкий бледный шрам на ее теле все еще был хорошо заметен.

Она удивилась, что этот факт оказался в результатах обследования. Похоже, врач, к которому направил ее Макс, изучил ее куда тщательнее, чем ее собственный семейный доктор. Впрочем, ее не удивило то, с каким вниманием, оказывается, Макс изучал ее медицинские бумаги.

Это было в его духе.

Нахмурившись, Макс сделал еще один глоток.

Джиллиан не понимала, почему его так волновал аппендицит, перенесенный ею десять лет назад. Насыпав в стакан льда, она залила его минеральной водой и добавила ломтик лайма. Это был ее любимый напиток. Может, Макса, как когда-то ее отца, шокировало известие о том, что она чуть было не умерла? Когда в тот день Рич приехал к ней в госпиталь, она в первый и единственный раз увидела на его красивом, как у кинозвезды, лице искреннее беспокойство за нее. Впрочем, он не любил вспоминать о том, что позволил себе слабость переживать из-за нее. Решив, что в этом Макс, скорее всего, похож на ее отца, Джиллиан решила не поддерживать тему, спросив вместо этого:

- Ну что, где будем ужинать?

Он обещал устроить ей особенный вечер. А тут еще его настойчивый интерес к результатам ее ежегодного обследования, которое к тому же проводил его личный врач... Словом, Джиллиан была уверена, что сегодня наконец-то он предложит ей стать его женой.

Разумеется, она ему не откажет.

Она любила Макса до самозабвения. Правда, до сих пор ни разу не сказала ему об этом. Она не признавалась в этом бабушке, но ей самой произнести слова любви было чудовищно трудно.

- «У Рене».

Это был первый ресторан, в который ее он пригласил. Нет, пусть он и не признается ей в любви, но все равно он весьма романтичен.

- Отлично. Очень люблю кухню Рене.

Помимо прочего, владелец, исполнявший также и обязанности шеф-повара, всегда с нежностью относится к ним. Так что ужинать у Рене было истинным удовольствием. Что ж, Макс действительно постарался сделать этот вечер особенным.

- Я знаю. - Он вновь посмотрел на нее с неожиданной серьезностью.

И тут она до конца осознала, что происходит. Да, сегодня особый вечер. И закончится он словами, которые, она уверена, Макс намеревается произнести лишь раз в жизни.

До этого она была совершенно спокойна. Но теперь ее вдруг охватила внутренняя дрожь, которую она никак не могла унять.

Она станет невестой принца. Впервые она по-настоящему задумалась о том, каково это - быть принцессой.

Честно говоря, эта перспектива ее испугала.

Бабушка не уставала критиковать манеру Джиллиан отмахиваться от сложных и неприятных вопросов. Это ее свойство в полной мере проявилось и в отношениях с Максом. Но сейчас, видя его таким сосредоточенным и даже мрачным, она впервые задумалась, как его предложение изменит их жизнь.

Хотя... это неважно.

С ним она готова уехать хоть в Антарктиду, без сожаления отказавшись от удобств цивилизации. Так что если ей придется стать принцессой и проводить как минимум шесть месяцев в году на Воларусе, острове-государстве где-то в Балтийском море, это ее тем более не испугает.

Она любит его. Макс - ее мужчина.

Она сможет жить с Максимом из королевского дома Юрковичей, наследным принцем Воларуса. И будет жить с ним.

Глава 2

Ужин прошел великолепно. И хотя Макс, казалось, так и не смог отбросить мрачные мысли, он развлекал Джиллиан с обычной своей учтивостью.

Несколько раз ей казалось, что он вот-вот заговорит о самом главном, - но каждый раз он умолкал.

Это новое свидетельство волнения, которое, как она полагала, было ему вовсе не свойственно, Джиллиан толковала по-своему. Ей казалось, что с каждой минутой она влюбляется в него все больше и больше.

После ужина Макс повел ее слушать джаз. Джиллиан обожала эту музыку. Оркестр был прекрасен: музыканты, казалось, не просто исполняли музыку, а жили ею.

Искренне наслаждаясь концертом, она даже радовалась, что музыка мешает их разговору. Нервозность, не оставлявшая Макса весь вечер, казалось, отступила.

После концерта она пригласила его к себе. Как она и думала, он согласился.

Зайдя к ней, он сбросил пальто на спинку стула и остался стоять, будто не зная, что делать дальше. Это было так не похоже на него, что Джиллиан из жалости предложила ему еще виски.

- Нет, лучше не надо.

- Но тебе не обязательно садиться за руль. Если хочешь, оставайся. - Она всегда предлагала ему разделить с ней постель в подобных уклончивых выражениях. Он, как правило, не отказывался - если только из-за утренних встреч или поездок ему предстояло вставать на рассвете: в таких случаях он не хотел ее будить.

Однако сегодня он колебался:

- Думаешь, стоит?

Неужели он полагает, что в преддверии свадьбы она захочет реже видеться с ним? Когда об их отношениях узнают, она не будет изображать перед репортерами желтых газет святую невинность. Она, конечно, признательна, что до сих пор их связь не стала достоянием публики, однако это, так или иначе, произойдет в самом ближайшем будущем.

Она не возражает. И не собирается притворяться.

- Да, думаю, - твердо ответила она.

- Нам надо поговорить.

- Потом. - Неожиданно Джиллиан поняла, что хочет сказать ему слова любви хотя бы сегодня.

Она скажет ему, когда они будут заниматься любовью. Его предложение подождет.

* * *

Его взгляд еще больше потемнел.

- Ты уверена, что хочешь этого?

- Да. - Почему-то теперь Джиллиан казалась невыносимой сама мысль о том, чтобы согласиться стать его женой, не успев поведать ему о своей любви. Она должна сказать о ней - хотя бы своим телом, а если сможет, то и словами.

Подумать только, три коротких слова - но как же трудно им сорваться с ее губ! Заставить себя произнести их было, казалось, труднее, чем станцевать обнаженной на столике «У Рене».

Может, дед и правда каждый вечер признавался бабушке в любви, но внучке они напоминали о том, что любят ее, отнюдь не каждый день. Сама же Джиллиан говорила эти слова лишь собственным родителям, да и то в далеком детстве.

Впрочем, ни мама, ни папа ни разу не сказали ей ответных слов любви. И сегодня она сама уже не помнила, когда в последний раз осмеливалась выразить свою любовь к самым главным в ее жизни людям, давно и навсегда оставившим ее. И уж тем более она не признавалась в любви мужчинам – ведь она еще ни разу не была влюблена. Завоевать ее сердце было не так-то просто.

Что ж, по крайней мере, Максу она могла сказать о своем чувстве языком тела. На исходе этой ночи он будет знать, что она любит его, – так или иначе.

Он покачал головой:

- Ты необычная женщина.

Она так не думала, но ему нравилось, что он считает ее особенной. Так что спорить она не стала. В конце концов, он ведь должен считать ее исключительной? Если бы он полагал, что она ничем не отличается от других женщин вокруг, будущее было бы лишком мрачным.

По крайней мере, для нее Макс был не сравним с другими мужчинами.

Макс потянул Джиллиан в коридор, ведущий к спальне:

- Пойдем. Я хочу заняться любовью со всеми удобствами.

Они много раз занимались сексом прямо в гостиной, но она не возражала, чтобы эта ночь стала особенной. Возможно, ему тоже трудно произнести заветные слова, и он, как и она, хочет телом выразить свои чувства.

Когда он привел ее в темную спальню, ее сердце гулко колотилось. Отпустив ее руку, Макс, перегнувшись через журнальный столик, включил лампу. Изящный бронзовый светильник, увенчанный тремя стеклянными белыми лилиями, в каждой из которых сияла лампочка, залил комнату теплым золотистым светом.

Над светильником висела картина, изображавшая светловолосую женщину, стоявшую наклонив голову, среди целого поля лилий. Картину когда-то подарил Макс. По его словам, женщина напомнила ему Джиллиан.

Самой Джиллиан изображение казалось слишком размытым, чтобы говорить о портретном сходстве. Но картина ей нравилась.

Макс повернулся к ней, его чеканные черты были затуманены грустью.

- Сегодня ты сделала мне прекрасный подарок. – Он вздохнул, словно на душе у него лежало тяжкое бремя. – Я этого хотел.

Она засмеялась. Чувства бурлили в ней – но она все еще не могла облечь их в слова.

Казалось, он чувствовал то же самое. Наклонившись, он страстно поцеловал ее, и они оба словно растворились в этом поцелуе. Когда их губы наконец разомкнулись, Макс крепко прижимал ее к себе. Оба они тяжело дышали.

- Макс, ты прекрасно целуешься.

- Ты тоже. – Он улыбнулся, став наконец похожим на себя.

- Тебе лучше знать.

Она не была девственницей, когда встретила с ним, но ее сексуальный опыт был весьма невелик. В университете у нее была пара романов, но в обоих случаях секс оставил у нее ощущение трагической ошибки. Она и близко не представляла, что он может доставлять то невероятное удовольствие, которое она испытывала в объятиях Макса. До их встречи она понятия не имела о том, как доставить удовольствие партнеру.

Макса, впрочем, это не смущало. Он с терпением и искренней радостью учил ее получать удовольствие от встречи двух тел, которых сексуальная химия притягивает друг к другу.

- Скажем так: вместе у нас неплохо получается. - Казалось, в его голосе звучит искренняя грусть.

Что такое? Ему, похоже, не о чем переживать? Наверное, она неправильно поняла его чувства. Может, он из числа мужчин, полагающих, что после свадьбы секс уходит на второй план?

Что ж, если и так, она сможет его разубедить.

Она - женщина XXI века. А значит, она не только верит, что женщина должна получать удовольствие от секса, но и считает секс непременной и постоянной частью супружества.

Впрочем, Джиллиан не стала говорить об этом. Вместо этого она предпочла помочь ему избавиться от костюма. Он тем временем снял ботинки и носки, а когда она расслабила узел галстука и расстегнула несколько пуговиц на его белой рубашке, он, не дожидаясь продолжения, рывком стянул рубашку через голову.

- Не терпится? - игриво улыбнулась она.

- Не то слово. - Он снял с нее платье, чуть не разорвав его. Затем так же быстро и бесцеремонно стянул с нее бюстгальтер и трусики, вопреки обыкновению, и не подумав полюбоваться, как отлично смотрятся на ней эти кружевные вещицы.

Через несколько мгновений оба были раздеты. Макс жадно пожирает глазами тело Джиллиан.

Она чувствовала, как тело откликается на его призывный взгляд: соски затвердели сильнее обычного, влагилице охватила волна спазмов, - она не могла дожидаться, когда он, по обыкновению, жестко и резко войдет в нее. Тело ее залило жаркой волной дрожи, всепоглощающее желание разурмянило щеки.

Они еще почти не касались друг друга, а Джиллиан уже хотела его сильнее, чем когда бы то ни было. Никогда в жизни она не испытывала столь упоительного желания. Она знала, что сегодняшний секс станет прелюдией к совместной жизни, - и это распяляло ее сильнее, чем она могла себе представить.

По его глазам она видела, что он столь же страстно стремится слиться с ней воедино.

Не задумываясь, она бросилась в его объятия. Макс поднял ее на руки и понес к кровати, словно невесту к брачному ложу. Это казалось таким естественным! Он сдернул покрывало, умудрившись не уронить ее. Чтобы ему было легче, она изо всех сил обняла его за шею.

Джиллиан покрывала легкими нежными поцелуями его подбородок и шею. Дойдя до плеча, она остановилась. Тонкий запах одеколона «Армани» в сочетании с его собственным мужским

запахом породили в ней новую волну возбуждения, которой она не могла и не хотела сопротивляться. Ей нравилось ощущать, как ее тело готовится слиться с ним воедино, она наслаждалась собственной реакцией на самые простые и естественные вещи – его запах или прикосновение его ладони к бедру, когда Макс осторожно укладывал ее на кровать.

- Ты – мой единственный, – прошептала Джиллиан ему на ухо. – Если только...

Она и сама не знала, о каком «если» говорила. Она вообще ни о чем не думала. Его руки требовательно ощупывали ее тело, и она с головой тонула в наслаждении от каждого касания.

Она чувствовала, что этой ночью их связало нечто глубокое и настоящее. Неужели их брачная ночь может оказаться еще лучше?

Она гладила его внимательно, словно изучая. Ей нравилось поглаживать его мускулы, чувствовать, как волоски на его груди щекочут пальцы.

Этот мужчина, настоящий принц и олигарх, принадлежал ей, только ей! В это почти невозможно поверить – но доказательство было здесь. Она лежала обнаженная с ним в постели и наслаждалась возможностью без конца дарить ему ласку.

- Вы с Демьяном поддерживаете отличную форму, – промолвила она.

Услышав имя двоюродного брата, Макс скривился. В другое время Джиллиан спросила бы его, что произошло, но не сейчас. Слишком важной была эта ночь. Она должна была изменить их жизни – особенно если она все-таки сумеет произнести три заветных слова.

- Мы сегодня тренировались... Жесткий был бой, – проговорил Макс, словно почувствовав ее любопытство.

Она погладила синяк, который заметила лишь сейчас:

- Вижу.

- Пустяк, – отозвался Макс с обычной своей гордой самоуверенностью, которая никогда не позволила бы ему признать, что Демьян может взять над ним верх на ринге.

Его кузен с трудом подпускал к себе посторонних, но Джиллиан знала, что они с Максом весьма близки. Ей было приятно, что у Макса есть друг, которому тот может доверять. В мире, где жил Макс, доверие и надежность были в отчаянном дефиците. Джиллиан знала, о чем говорила: как дочь своего отца, она была в этом мире частой гостьей.

Наклонившись к нему, она поцеловала кровоподтек, затем покрыла поцелуями кожу вокруг него.

- Хорошо! – простонал Макс.

Она и не сомневалась. Ему нравилось, когда его баловали и нежили, даже в постели. Впрочем, и сам он был щедр на ласку и нежность, поэтому Джиллиан не возражала.

Он уложил ее на спину и навалился на нее сверху, накрыв ее тело своим – будто лаская и защищая одновременно. Затем посмотрел ей прямо в глаза:

- Ты безумно хороша. Слишком хороша для меня.

Джиллиан покачала головой. Как он не понимает, что для них нет ничего, что было бы слишком?

Он запечатал ей рот поцелуем, словно желая прекратить разговор. Словно не мог больше ждать ни секунды. Словно Джиллиан целиком и полностью принадлежала ему.

Она ответила ему с жаром, словно отдавая в поцелуе всю себя. Впрочем, так оно и было.

Он придавил ее к матрацу, не отрываясь от ее губ, продолжая целовать, целовать без конца, пока жар, разгоравшийся между их телами, не сделался совсем невыносимым.

Они уже не чувствовали ничего, кроме невероятного блаженства, которое их тела дарили друг другу.

Джиллиан больше не могла ждать. Она призывно раскинула ноги, приглашая его войти в нее сейчас, сию секунду.

Но Макс, оторвавшись от ее губ, шепнул:

- Не сейчас.

- Сейчас, - потребовала она.

Но он покачал головой. В его глазах плескалась дикая страсть. Он вновь начал ласкать ее тело, стремясь заставить ее окончательно потерять голову от наслаждения.

Он не забыл о точке на ее стопе, прикасаясь к которой он вызывал в ее теле судороги страсти. Затем нежно погладил внутреннюю поверхность бедра, отчего ее желание наконец ощутить его в себе достигло почти болезненной силы. Бережно проведя пальцами по талии, он медленно поднялся выше, сосредоточившись на ее груди. Он сосал и облизывал ее соски, играл с ними пальцами до тех пор, пока они не заныли от желания. И наконец, он легонько прикусил один из них.

Джиллиан вскрикнула в судороге оргазма.

Макс, зарывав, продолжал ласкать губами ее сосок. Джиллиан дрожала и извивалась под ним. Зажав между пальцами второй сосок, он нежно поглаживал его кончиком большого пальца. Он ласкал ее, не останавливаясь, не обращая внимания на ее стоны, которыми она истово призывала его двигаться дальше. «Пожалуйста, пожалуйста!» - неразборчиво шептала она, ее тело билось, по-своему адресуя ему все ту же просьбу. И наконец, резко раздвинув ей бедра, он стремительно вошел в нее. Впервые он не стал использовать презерватив. Мысль о том, что в этот раз она может забеременеть, нахлынула на нее, мгновенно скрутив тело волной мощного оргазма.

Он двигался, не сбавляя темпа, резко пронзая ее вновь и вновь, - пока она не кончила опять, забившись в столь сильных конвульсиях, что чуть было не сбросила его с себя.

Впрочем, ему хватило сил удержаться, - и вскоре он тоже вскрикнул в судороге оргазма.

Потом, наклонившись над ней, он смотрел на нее столь пристально, что по ее телу побежали мурашки.

- Спасибо.

Она покачала головой. Слова не шли с языка. В том числе те три самых главных... А может, в них уже не было необходимости? Джиллиан казалось, что он понял, что она чувствует к нему. Не мог не понять. Не может мужчина так страстно заниматься с женщиной любовью и при этом не ощутить, что творится в ее душе.

- Прости, что не спросил. Насчет презерватива.

- Ничего, все в порядке.

Между ними не должно быть преград.

Он мрачно кивнул, ложась рядом с ней.

- Можно я останусь до утра?

- Конечно.

Она не понимала, почему он спрашивает об этом. Может, он что-то почувствовал?

В любом случае она еще подумает об этом.

Джиллиан проснулась в объятиях Макса. По его дыханию она догадалась, что он не спит.

И вдруг она поняла, что слова, которые она так долго не могла произнести, вот-вот готовы сорваться с губ. Сев, она взглянула на него, освещенного тусклым светом, пробивавшимся из-за занавесок:

- Я люблю тебя, Макс.

Все оказалось очень просто. Слова будто сами слетели с языка. Вот только почему-то она не могла смотреть Макс в глаза - ведь в его взгляде читалось нескрываемое изумление.

Как он мог не знать? Как это могло удивить его - после всего, что было? Может, она неправильно выбрала момент?

Она никогда не признавалась в любви мужчине и не знала: быть может, в мире, где жил Макс, считалось приличным произнести подобные слова лишь после традиционных пожеланий доброго утра?

Это звучало глупо - но, в конце концов, ей казались странными многие особенности жизни королевской семьи. Хорошо, что она любит его, иначе и не подумала бы о том, чтобы провести жизнь среди всех этих безумных ритуалов, под внимательными взглядами всего света.

Вновь откинувшись на постель, она нежно прильнула к нему:

- Кажется, я начинаю к этому привыкать.

- Боюсь, нам не стоит этого делать.

Услышав его слова, она не поняла их смысла, так что просто пропустила мимо ушей. Она все еще упивалась воспоминаниями о прошедшей ночи и чувством необыкновенного облегчения, охватившего ее после того, как она произнесла три заветных слова. Даже если признание

прозвучало неловко.

По крайней мере, он над ней не смеялся.

Одно из прекрасных качеств Макса: он никогда не насмехался над чужой неловкостью, хотя сам отличался необыкновенным изяществом во всех своих поступках.

- Это была волшебная ночь, - несмело вымолвила она.

- Да. - Он говорил необыкновенно серьезно и почему-то грустно.

Она не понимала, в чем дело. Может, он устал? Ночью он потратил кучу сил. Сказать по правде, она и сама сомневалась, что, если все их ночи будут похожи на эту, сколь бы чудесной она ни была, у нее останутся силы на что бы то ни было еще.

Не ограничившись первым подходом, они трижды занимались любовью. Макс еще никогда не был столь ненасытен, а она еще ни разу не отдавалась ему столь свободно. Он не знал усталости в ласках и брал ее вновь и вновь, жадно и неутомимо. Она наслаждалась каждой секундой. Даже сейчас, вспоминая эту ночь, она вздрагивала от сладостной боли.

- Прости меня. - Голос Макса звучал еще более мрачно.

Она предпочла бы сделать вид, что не знает, откуда в нем эта горечь. Но не могла.

Впрочем, она могла сказать ему, что это неважно. Что он не обязан признаваться ей в любви - пока она нужна ему. Ведь он недвусмысленно дал ей это понять сегодня ночью.

- Ничего страшного, - проговорила она с притворной живостью, старательно скрывая свое разочарование. Наконец она смогла посмотреть ему прямо в глаза.

Чувствовалось, что он сдерживается изо всех сил, делая вид, что все в порядке, в то время как что-то грызет его изнутри.

- Ты не поняла. Думаю, эта ночь была ошибкой. - Он ошарашенно покачал головой, будто жалея о вырвавшихся словах.

Еще бы он не жалел, идиот! Она не требовала от него слов любви - но она не собиралась терпеть столь презрительного отношения к их прошедшей ночи.

Вдруг ей показалось, что она поняла его озабоченность.

- Ты хочешь делать вид, что мы не занимаемся сексом?

Неужели его это действительно так заботит? Она была потрясена.

- Нам так хорошо вместе, что притворяться не имело бы смысла. Это было бы нечестно по отношению к тебе. И ко мне.

Джиллиан нахмурилась:

- Я не понимаю. Ты хочешь отказаться от секса?

Неужели до свадьбы? Свадебная церемония в королевских семьях готовится как минимум год, а то и два. Что ж, тогда неудивительно, что этой ночью он был так ненасытен.

А почему он тогда отказался от презерватива? Может, надеялся, что она забеременеет, чтобы ускорить свадьбу?

Но это было не похоже на Макса. Он не умел идти к цели исподволь, предпочитая двигаться к ней напрямик.

- Если мы по-прежнему будем заниматься сексом, потом нам будет еще тяжелее расстаться. Не говоря уже о том, что про наши отношения может прозвать пресса. Нам и так повезло, что до сих пор репортеры ничего не пронюхали.

Джиллиан всегда подозревала, что молчание прессы было связано не только с их осмотрительностью, но и с тем влиянием, которым пользовался ее отец. Но сейчас это ее мало волновало.

- Расстаться? - переспросила она в растерянности. - Зачем нам расставаться?

Они же собираются пожениться. Или нет? Ее сердце сжал холодный страх.

Неужели нет?

Но в его лице не было и проблеска надежды. Как и в его словах:

- Нам все равно придется расстаться. Думаю, ты сама отлично это понимаешь.

Глава 3

- Не понимаю. Представь, что я глупая, объясни мне на чистоту, - с трудом проговорила Джиллиан.

- Я не могу жениться на женщине, которая не сможет родить наследника трона. Это жестоко, я понимаю, но такова жизнь.

- Я не могу родить наследника? - все еще недоумевая, переспросила она. Тем не менее она, кажется, начинала понемногу прозревать. Внезапно ей стало ужасно неловко лежать вот так - обнаженной, в одной постели с ним.

Нахмурившись, он сел на кровати. Казалось, он не испытывает неловкости от собственной наготы - по крайней мере, он даже не подумал прикрыться.

- Ты, кажется, сказала, что читала результаты своего обследования?

- Я сказала, что получила их.

- Я видел открытый конверт.

- Бабушка позвонила. Я не успела проглядеть бумаги.

- Такие важные вещи недостаточно просто проглядеть. - Так сурово он говорил лишь в крайнем раздражении.

Отчего же он злится?

- После того как в шестнадцать лет мне удалили аппендикс, я не жаловалась на здоровье.
- Операция, которая вытащила тебя с того света, негативно повлияла на фаллопиевы трубы, - произнес он с явным неудовольствием человека, которого вынудили к объяснениям.

Негативно повлияла на фаллопиевы трубы? Черт возьми, что это значит?

Джиллиан была не в силах еще хоть секунду выносить эту притворную близость. Она выскочила из постели, схватила платье и натянула его на себя так резко, что чуть не оторвала рукав. Затем она отошла от кровати, стремясь отодвинуться от него как можно дальше.

- О чем ты говоришь?

Макс скривился, словно от боли:

- Шансы на то, что ты забеременеешь, очень малы.
- Но есть ведь способы лечения, медицинские средства... - Неужели он даже не подумал об этом?

Она неполноценна. И поэтому недостойна стать его невестой. О господи! Ее молчаливый призыв к небесам был полон страдания. Но Бог молчал.

Значит, прошлая ночь была не выражением его страсти и сексуальной тяги к ней. Это была ночь прощания. Все знаки, говорившие ей о том, что они вечно будут вместе, на самом деле означали строго противоположное.

- Ты можешь пройти курс лечения, когда встретишь кого-то другого, - произнес он, будто пытаясь утешить ее доброй вестью.

- Но не с тобой.

- Жениться на тебе, зная, что нам придется прибегнуть к помощи врачей, чтобы родить наследника, было бы неправильно и неразумно по отношению к королевскому дому.

- Но я не собиралась замуж за твой королевский дом! - Голос Джиллиан сорвался на крик.

Впрочем, какое замужество? Его не будет. От этой мысли колени у нее подогнулись, она едва удержалась на ногах.

Все эти слова значили лишь одно: она потеряет Макса.

- Ты не права. Я принц, и однажды я стану королем. На мне с рождения лежит бремя долга, всю тяжесть которого отчасти могут понять лишь выборные государственные служащие. Но они несут подобное бремя лишь временно. Мне же в один прекрасный день придется думать в первую очередь о нашей маленькой стране.

Она знала это. Представитель одной из немногих абсолютных монархий, сохранившихся в мире, Макс был наследным принцем Воларуса. А значит, его жизнь ему не принадлежала. И все-таки он имел право выбора.

- Ты меня не любишь. - Лишь это было по-настоящему важно для Джиллиан. Осознав это, она ясно поняла, почему он даже не думал обратиться за помощью к врачам.

Она ему нравится, он хочет ее, быть может, он действительно огорчен их предстоящим расставанием. Но он ее не любит.

- Любовь - не то чувство, которому я волен подчиняться. Да и сам я не хочу этого.

- Любовь либо есть, либо ее нет. Если ее нет, нечему подчиняться.

Джиллиан знала это с детских лет. Сколько бы ты ни пытался, ты не сможешь заставить человека полюбить тебя.

Любовь нельзя получить силой, как и отказаться от нее по собственной воле. Джиллиан готова была отказаться от встречи с бабушкой и дедом, никогда не увидит своих родителей - если бы за это ей была дарована сила покончить с волной страдания, которое, казалось, поглотит ее без остатка.

- Ты сказала, что любишь меня. Мне очень жаль. - В темно-карих глазах Макса, кажется, действительно теплилась жалость. Это ударило ее сильнее, чем его слова: ее искренность словно подтверждала правдивость сказанного.

Боль сжимала тисками ее сердце, терзала все тело - физические мучения были столь же тяжелы, как душевная боль. Джиллиан едва могла дышать, она с трудом держалась на ногах.

Ему очень жаль.

Ей хотелось плакать, кричать, но она усилием воли сдержала слезы, не дав своей боли выплеснуться наружу.

- Убирайся. - Это слово она произнесла очень тихо, но знала, что он ее услышал.

- Ты действуешь нерационально.

- С первого нашего свидания ты очень старался скрывать наши отношения от прессы.

- Да.

Джиллиан не стала спрашивать почему. Его объяснения ее больше не интересовали.

Ей хотелось только, чтобы он ушел. Тогда она сможет выплеснуть свою боль. Он не должен этого видеть.

- Ты не думаешь, что, если я сейчас позвоню охране и попрошу выкинуть тебя из квартиры, вся твоя конспирация пойдет прахом?

Услышав эту угрозу, Макс изумленно посмотрел на нее:

- Ты не вызовешь охрану.

Похоже, он заблуждался, считая, что хорошо ее знает.

Джиллиан с силой вдавила кнопку тревоги, скрытую за не приметной дверцей:

- У тебя есть минута, может - две. Потом здесь будет охрана. Если хочешь встретиться с ними - оставайся.

Произнося эти слова, Джиллиан не повернулась к Максу лицом и не повысила голос. Она понимала, что иначе не выдержит и разрыдается. Раньше Джиллиан никогда не плакала. И сейчас не время начинать.

Только не в его присутствии.

Не тогда, когда страдание, кажется, вот-вот разорвет ей сердце.

Макс лихорадочно натягивал одежду, неразборчиво бормоча какие-то украинские ругательства.

В дверях он помедлил. Джиллиан почувствовала это, не оборачиваясь.

- Мне очень жаль, - произнес он.

Он ушел. Джиллиан осталась одна. Под грузом обрушившегося на нее несчастья ноги у нее подкосились, и она без сил упала на пол.

В одно мгновение рухнули все мечты, которые она лелеяла последние несколько месяцев. Все надежды на блестящее будущее, которым она предавалась, забывая о скромном прошлом и настоящем, были с кровью вырваны из ее растерзанного сердца.

Девять недель спустя Джиллиан, потрясенная, ошеломленная, сидела на скамейке около кабинета своего врача.

Не веря только что услышанному, она могла лишь молча, не мигая, смотреть на высотные башни, окружавшие маленький островок зелени.

- Вы беременны, - заявила ей врач.

Это было невероятно, немислимо. И все же это было правдой.

Она была беременна. Срок - девять недель.

Одна ночь с мужчиной, решившим вычеркнуть ее из своей жизни. Единственная ночь, когда она позволила себе секс без защиты.

И вот - ребенок.

Чувства, которые она пыталась задушить в себе все эти девять недель, рвались наружу. Впервые в жизни она не могла равнодушно отвернуться от того, о чем не желала думать.

Ну, разве что на минуту.

Страдания от разрыва с Максом полностью поглотили ее. Она не могла не думать об этом. Каждый новый день становился очередным напоминанием о том, как она любила, сколько она потеряла и как тосковала по этому негодяю.

И все-таки она научилась сохранять хотя бы внешнюю безмятежность. Она уже могла иногда спокойно проспать целую ночь и не метаться между ночными кошмарами и реальным ужасом своей потери.

Боль от расставания с Максом вросла в нее настолько прочно и глубоко, что она ее уже почти

не замечала.

По крайней мере, так она говорила себе.

И теперь тяжелее всего для нее была надежда. Ей мучительно хотелось вновь испытать хоть какое-то чувство, особенно – любовь к другому человеческому существу, пусть совсем еще крошечному.

В отличие от своих родителей, Джиллиан не задумывалась о том, как получилась эта беременность, планировала она ее или нет, есть с ней рядом спутник жизни или ей предстоит остаться одной. Все это не имело никакого значения.

Она будет любить своего ребенка. Она уже любит его – с того момента, как доктор произнесла слова, в которые она не сразу поверила.

Она настояла на повторном тесте. Сестра взяла у нее новую порцию крови, и, пока они ждали результатов экспресс-анализа, проводившегося здесь же, в лаборатории, принесла маленький прибор – доплеровский датчик, мини-ультразвук, позволявший слышать сердцебиение еще не рожденного ребенка.

Когда в маленьком аппарате раздалось быстрое, глухое «тук-тук-тук», Джиллиан чуть не потеряла сознание. Она плакала. Теперь было ясно, что в ее матке растет крошечное существо. Ее ребенок.

Ребенок Макса.

Как раз в этот момент принесли результаты второго теста. Он был положительным, как и первый.

Беременность развивалась правильно, хотя доктор была недовольна ее впалыми щеками и потерей веса. Впрочем, как уверяла врач, это было в порядке вещей. Многие женщины худеют в первом триместре беременности. Тем не менее риск не выносить малыша для Джиллиан был довольно высок. Как ей объяснили, одна из пяти беременностей заканчивается выкидышем.

Как много! И это в стране с прекрасной медициной!

Летнее солнце палило нещадно, но руки Джиллиан были ледяными и мокрыми от пота.

Беременна. Она беременна.

В уголке сознания вяло барахталась мысль: она в шоке. Наверное, ей стоило остаться в кабинете врача. Но ей было просто необходимо выйти на свежий воздух.

Так что она сказала врачу, что с ней все в порядке. Доктор была очень занята, так что позволила ей уйти без дальнейших расспросов.

Джиллиан потрясла головой. Прошедший час казался наваждением.

Она пошла к врачу по настоянию бабушки. Сама Джиллиан не беспокоилась о здоровье. С тех пор как девять недель назад она выгнала Макса из своего дома, она была занята лишь борьбой с депрессией.

Она любила его. То, что она призналась ему в своих чувствах, делало ситуацию еще

невыносимее: ведь она понимала, что он не способен ответить на ее любовь.

В последние несколько недель, как ей казалось, к ее страданиям добавилась привязчивая простуда. Впрочем, это ее мало волновало. Если бы бабушка и дедушка не заехали к ней гости, Джиллиан, быть может, не догадывалась бы о своей беременности до самых родов.

Но бабушка, узнав, что уже не первую неделю Джиллиан постоянно тошнит и клонит в сон, страшно обеспокоилась. Хотя вообще-то ее за все это время вырвало лишь пару раз. Как сказала врач, с этим ей повезло. Она очень удивилась, узнав, что Джиллиан даже не думала о том, что причиной ее недомогания может быть беременность. Ведь у нее уже три месяца не было менструации! Но цикл у Джиллиан всегда был нерегулярным, и месяц задержки она не считала чем-то из ряда вон выходящим.

Оказывается, давняя операция не так уж негативно повлияла на ее фаллопиевы трубы. Она не просто умудрилась забеременеть, в первый и единственный раз занявшись сексом без презерватива. Это случилось еще и в тот день цикла, который она считала совершенно безопасным.

Чудеса, да и только.

Интересно, захочет ли Макс увидеть ребенка, зачатого им? Вряд ли. Он слишком легко согласился уйти, так что вряд ли обрадуется, если она возникнет на его пороге с младенцем на руках.

Поверит ли он вообще, что это его ребенок? Она не будет делать тест на отцовство – для этого нужно взять на анализ жидкость из околоплодного пузыря, а это может спровоцировать выкидыш.

Она на это не пойдет.

Если он усомнится в своем отцовстве, он сможет развеять сомнения и после родов.

Бабушка и дед, конечно, полюбят ребенка, когда он родится. Но сейчас известие о ее беременности их явно не порадует. Для них и секс, и беременность были возможны лишь после свадьбы.

Подумав пару секунд, Джиллиан решила: те несколько дней, что они проведут в Сиэтле, она будет скрывать от них свое состояние. Один шанс из пяти, что ее беременность закончится выкидышем еще в первом триместре. Пока не закончится этот важный этап, она не скажет о ней никому.

Значит, она должна изобразить из себя совершенно счастливую и здоровую женщину, и сыграть эту роль так, чтобы она была достойна «Оскара». Иначе старики откажутся от своих планов и не улетят в Канаду в середине следующей недели.

Итак, решено: она скажет им, что доктор диагностировал у нее легкое переутомление и посоветовал сменить витамины. Это было правдой, хоть и не всей правдой. Врач выписала Джиллиан специальные витамины для беременных, идеально подходившие для ее чувствительного желудка, и фолиевую кислоту, которая помогала ребенку развиваться.

Кроме того, ей прописали препараты железа: оказалось, она была на грани анемии. Что ж, это объяснит ее постоянное утомление куда лучше, чем любая сочиненная ею ложь.

Хотя на самом деле больше всего ее выматывало отсутствие Макса.

Бабушка и дедушка не заподозрят неладное из-за того, что она плохо себя чувствует. Они считают, что их разрыв с Максом так ударил по ее здоровью, о чем не забывают ей напоминать. Джиллиан столь же неустанно напоминала им о том, что к ее возрасту каждая женщина обязана пережить хотя бы один болезненный разрыв с мужчиной. Некоторые в двадцать шесть уже успевают сходить замуж и развестись. Бабушка в ответ фыркала и раздраженно говорила: «Этому юноше придется за многое ответить».

Хорошо, что к акушеру-гинекологу Джиллиан предстояло идти лишь в следующую пятницу. Она не хотела лишний раз без особой необходимости отделяться от стариков полуправдой.

* * *

Рывкнув что-то в телефонную трубку, Макс раздраженно вдавил кнопку «отбой», не утруждая себя прощанием.

- Идиоты, - пробормотал он.

- Похоже, за последние пару месяцев все наши бизнес-партнеры неожиданно резко поглупели, - произнес Демьян, стоя в дверях.

Макс глубоко вздохнул и медленно выпустил воздух. Лишь это помогло ему удержаться, не накричав заодно и на кузена.

- Что ты хотел, Демьян?

- Я кое-что узнал. Думаю, тебе будет интересно.

- Нам не нужен новый рынок сбыта для редких минералов. Мы и с нынешними-то с трудом справляемся. Особенно с учетом экологии.

На Воларусе действовали строжайшие требования по охране природы, касавшиеся всех компаний, работающих в сфере производства электроэнергии и добычи минералов. Дед и отец Макса далеко обогнали свое время в вопросах сохранения земли для будущих поколений. Экологическое законодательство Воларуса было, пожалуй, одним из самых строгих в мире.

Кроме того, компания «Юркович-Таннер» далеко обогнала десятку ведущих мировых нефтяных гигантов в исследовании и разработке альтернативных источников энергии.

Макс, как генеральный директор компании, нес личную ответственность за то, чтобы это лидерство оставалось непоколебимым.

- Когда я в последний раз смотрел цифры, показатели производства на наших ветровых электростанциях соответствовали графикам.

- Это не касается бизнеса, - проговорил Демьян.

- Я знаю, что отец с графиней отбыли в свое секретное гнездышко на Каймановых островах, - ответил Макс с неприкрытым сарказмом. - Или, по-твоему, почему я завтра возвращаюсь на Воларус? Весь месяц буду изображать из себя главу государства, пока они там нежатся.

Как будто у него, руководителя корпорации «Юркович-Таннер», и так недостаточно работы!

Впрочем, его отец принял на себя обе обязанности после смерти собственных родителей и успешно справлялся с ними до того, как в двадцать пять Макс взял на себя руководство компанией. Конечно, король Федир мог пригласить генерального директора со стороны – именно так планировал сделать Макс, когда руководство страной перейдет в его руки. Но Федир предпочел управлять бизнесом лично.

- Твоя мать будет рада твоему обществу.

- Уж конечно, больше, чем папиному. – Говорить о разногласиях между родителями было неприятно, однако тот факт, что их отношения оставляли желать лучшего, ни для кого давно не было секретом.

Родители Макса жили каждый своей жизнью, встречаясь лишь тогда, когда этого требовали их обязанности монархов.

Демьян присел на край огромного антикварного стола, за которым работал Макс.

- Думаю, ты захочешь отложить отъезд хотя бы на денек.

- Зачем? – не приветливо ответил Макс.

Он был рад вернуться домой, надеясь, что это охладит его чувства. За девять недель разлука с Джиллиан не стала легче. Его страсть к ней превосходила все, что он когда-либо испытывал к другим женщинам. Это беспокоило и раздражало его. Встречи с другими женщинами лишь доказывали ему: привыкнув к новенькому спортивному «мерседесу», трудно получать удовольствие за рулем двадцатилетнего семейного фургона «вольво».

После той, последней ночи с Джиллиан у него ни разу не было секса.

- У мисс Харрис назначена встреча с врачом.

При упоминании ее имени Макса вновь охватило желание. Лишь привычка к самоконтролю позволила отозваться на реплику Демьяна с наигранным безразличием:

- И что?

- С акушером-гинекологом.

- Значит, она все-таки думает об искусственном оплодотворении или о чем-нибудь в этом роде. – Настроение Макса окончательно испортилось. – Заботится о будущем.

- Ничего подобного.

- Тогда что ты, черт возьми, имеешь в виду?

- Наш хакер утверждает, что она сделала два анализа крови и доплеровское исследование. У нее десятидневная нормально развивающаяся беременность.

- Что? – Макс не поверил своим ушам. – Мы платим хакерам?

- Тебя правда интересует именно это?

Макс в ступоре смотрел на кузена. Кажется, впервые в жизни он совершенно не знал, что сказать.

- Не используешь презервативы - готовься к последствиям, - ухмыльнулся Демьян.

Макс всегда и во всем доверял Демьяну, но об этом своем неосмотрительном поступке он мог сообщить двоюродному брату только в пьяном бреду.

- Но это невозможно!

- Оказывается, все возможно.

- Черт, Демьян, это не повод для шуток!

- Я знаю. - Демьян смотрел на него совершенно серьезно.

- Получается, Джиллиан ждет от меня ребенка?

- Я знаю одно: мисс Харрис пришла к врачу с жалобой на простуду. Ей предложили пройти тест на беременность, и он оказался положительным. Второй тест тоже показал положительный результат. Было проведено доплеровское исследование, которое зарегистрировало нормальное сердцебиение плода. Согласно ее медицинской карте, срок беременности составляет десять недель.

- Она простудилась?

Демьян выразительно посмотрел на него.

Шок совсем выбил Макса из колеи, мысли у него путались.

- Что ты так смотришь?

- Наверное, она пошла к врачу, думая, что простудилась, но оказалось, что ее всего лишь тошнит по утрам. Так обычно бывает с беременными.

- О боже! - Макс нечасто общался с беременными, но про утреннюю тошноту знал даже он. Как он сразу не догадался? - С ней все в порядке?

- Макс, я не общался с твоей бывшей подружкой. Я лишь прочел отчет нашего сыскного агентства.

Реальность того, о чем рассказывал Демьян, и мысли о том, что за всем этим последует, словно взмахом ножа прорезали пелену ступора. Макс длинно и витиевато выругался по-украински.

Демьян не хуже Макса понимал каждое слово, но он даже не моргнул:

- Ты уверен, что отец - ты?

- Конечно, я! Джиллиан не спит со всеми подряд.

- Она могла отдаться кому-нибудь, чтобы отомстить тебе за то, что ты ее бросил.

При мысли об этом Макса охватила ярость, но он и виду не подал. Даже Демьян не имел права знать, что творится в глубине его души.

Впрочем, слово, выбранное Демьяном, ему не понравилось, и он не стал этого скрывать:

- Я не бросил ее. Я порвал наши отношения ради благополучия короны.

- Потому что она не могла родить тебе ребенка.

Ирония этих слов не укрылась от Макса.

- Да.

- И что ты намерен делать?

- То, что собирался сделать перед тем, как узнал о ее проблемах с фаллопиевыми трубами. Жениться на ней.

У него просто не было другого выбора. Возможно, это будет их единственный ребенок. Но это – его ребенок, и об этом Макс никогда не забудет.

Глава 4

Закрыв дверь за бабушкой и дедом, Джиллиан обессиленно привалилась к косяку. Впервые за неделю ей не надо было скрывать постоянную слабость и тошноту.

Ей все-таки удалось скрыть от стариков свою беременность, хоть это было совсем не просто. Но, впрочем, у нее большой опыт – она всю жизнь скрывала от бабушки и деда свои неприятности, чтобы не расстраивать их.

В детстве она тщательно скрывала от них, насколько болезненным было для нее безразличие их любимого сыночка к ней, его единственному ребенку, сколь разрушительным оно оказалось для ее чувств и доверия к миру. Она уверяла стариков, что ей вполне достаточно видеться с матерью раз в год, а уж куда более частые, хоть и неожиданные, появления отца она и вовсе считает за счастье.

Ни бабушка, ни дед до сих пор не знали, сколько ночей она бесшумно рыдала в подушку из-за того, что оба родителя позволяли ей называть их только по имени. Никаких «мама» и «папа» или хотя бы «отец» и «мать».

Они не хотели лишней раз вспоминать о своей неразрывной связи с дочерью.

Джиллиан погладила свой пока еще плоский живот. Ее ребенок никогда не усомнится в своем праве на собственное место в ее жизни.

Увы, она не может гарантировать ему внимание отца. И все оттого, что она не умела вовремя понять, что он за человек.

Именно эта мысль больше всего мучила ее бессонными ночами.

Вздохнув, она направилась в спальню. Пора было собираться на работу. Она взяла недельный отпуск, чтобы побыть с бабушкой и дедом, но сегодня утром шеф и клиенты будут ждать ее в студии.

Десять часов спустя, отработав весь день в фотостудии, Джиллиан наконец добралась до дома. От усталости она едва стояла на ногах. Обычное время ужина давно прошло. Она с трудом

заставила себя сунуть в микроволновку пакет с попкорном.

Она собиралась провести вечер устроившись на диване в пижаме и посмотреть повтор телешоу «Экстремальная смена облика, домашняя версия». Это поднимало ей настроение и прибавляло сил, что и было нужно в ее положении.

И тут требовательно задребезжал звонок домофона. Что это? На секунду она подумала, что вернулись бабушка с дедом, – но тут же отбросила эту мысль. Бабушка уже позвонила ей, сообщив, что они пересекли границу Канады. Они не стали бы возвращаться без серьезной причины, а она не дала им поводов для беспокойства.

Может, отец? Рич мог заскочить без предупреждения, однако его неожиданные визиты были редкостью – впрочем, как и запланированные.

Вряд ли это мог быть кто-то из друзей. Она выросла в небольшом городке на Аляске и, перебравшись в большой город, редко приглашала знакомых к себе домой. И уж тем более в последние месяцы, когда она встречалась с мужчиной, соблюдавшим крайнюю осторожность во всем, что касалось его частной жизни.

Оставив попкорн, она подошла к домофону и нажала кнопку:

– Слушаю.

– Джиллиан, это я. Впусти меня.

Голос Макса.

Прижав руки к груди, Джиллиан лихорадочно хватала воздух ртом. Как могла подобная мелочь мгновенно выбить ее из колеи?

Все дело в его голосе. От него дрожали колени. Джиллиан обессиленно прислонилась к косяку, лишь это помогло ей удержаться на ногах.

Что он здесь делает? За десять недель он не прислал ей ни эсэмэски, даже не поинтересовался, как она себя чувствует.

– Джиллиан? – Домофон придавал его голосу металлические нотки. – Ты здесь?

– Да, – с трудом выдавила она.

– Ты не нажала кнопку.

Почему это его удивляет?

Сглотнув, она глубоко вздохнула, стараясь справиться с тяжестью в груди.

– Что тебе надо?

– Нам надо поговорить.

Через неделю или две после его ухода она была бы счастлива услышать это.

– Прошло три месяца.

- Не совсем. Десять недель.

Выходит, он считал дни. Впрочем, это ничего не значит.

- Что тебе нужно, Макс?

- Впусти меня. Я все скажу.

- Я не хочу тебя видеть.

Она только недавно стала засыпать, не испытывая буквально физической боли от его отсутствия. По крайней мере, иногда.

- Не бойся, все будет в порядке.

Он не любит ее. Не хочет ее. Считает неполноценной. Как все может быть в порядке?

- Нет.

- Джиллиан!

«По крайней мере, сейчас он здесь», - шептал с безумной надеждой внутренний голос. Так будет лучше, чем прийти к вечно занятому Максусу с известием о своей беременности. Или нет?

Есть лишь один способ проверить.

Ей потребовалось больше мужества, чем она думала, чтобы решиться впустить его. Но у нее хватит сил. Впрочем, радости от его визита она все же не испытывала.

- Будь, пожалуйста, краток. Я устала.

Он не ответил, да она и не ждала ответа.

Нажав кнопку, Джиллиан направилась на кухню.

Она уже приняла душ и теперь ходила по дому в любимой пижаме, собрав волосы в хвост. Впервые за время знакомства она не прихорашивалась для встречи с ним. Не стоило приводить себя в порядок ради человека, выбросившего ее из своей жизни.

Когда она насыпала попкорн в миску, в дверь позвонили.

С попкорном в руках она двинулась к двери. Три глубоких вдоха, напоминание о том, что следует держать себя в руках. Все, можно открывать.

Макс, впрочем, тоже выглядел куда менее импозантно, чем обычно. Его темные волосы были в беспорядке, будто он все время ерошил их рукой. Он был без галстука и явно пропустил вечернее бритье, так что щеки и подбородок покрывала темная щетина.

Десять недель назад его вид показался бы ей безумно сексуальным. Она бы сочла его доказательством того, что рядом с ней он не стесняется быть естественным.

Но сейчас все это ее не волновало.

Переживал ли он из-за расставания с ней? Вряд ли он явился с предложением снова быть

вместе: ведь ничего не изменилось.

Впрочем, в этот раз она не строила предположений. Пусть он вслух скажет о своих чувствах и желаниях. Прямо и недвусмысленно.

Но даже если он предложит ей воссоединиться, что она ответит? Джиллиан сама не знала.

Для нее многое изменилось, но одно осталось неизменным. Он ее не любит.

От волнения у нее скрутило живот. Ей пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы избежать рвоты.

Лишь одно давало ей облегчение в этой ситуации: он не знает о ее беременности. Это еще сильнее усложнило бы ситуацию.

- Ты такая бледная. - Макс потянулся к ней, словно желая коснуться.

- Я устала. - Она сделала шаг назад. Это было бы не лучшим средством избавиться наконец от болезненной тяги к нему.

- Да, ты уже говорила. - Кажется, он не мог подобрать слов.

- Заходи.

Он неловко кивнул и двинулся вслед за ней в гостиную. Джиллиан поставила миску с попкорном на стол рядом со стаканом молока.

- Выпьешь что-нибудь?

Макс кивнул, затем, словно спохватившись, покачал головой:

- Тебе не стоит пить.

- Потому что я устала? - Джиллиан пожала плечами. - Я не собираюсь засыпать у тебя на груди. Кроме того, я пью молоко.

- Хорошо. Отлично.

Она промолчала. При взгляде на него ее одолевал вихрь чувств, боль сменялась надеждой, и это лишало ее сил.

Надежда пугала сильнее всего. Мало кто понимает всю разрушительность этого чувства. Особенно для того, чьи надежды не раз и не два оказывались стертymi в пыль. Вера в того, кто неизбежно тебя разочарует, стоит дорого. Как, к примеру, вера в ее папочку - такого обаятельного, знаменитого и бесконечно далекого.

Решив, что чем расслабленнее будет себя чувствовать Макс, тем лучше, она налила ему виски. Обернувшись, она увидела, что он стоит совсем рядом с ней, и в испуге отпрянула.

- Осторожнее! - Он попытался подхватить ее.

- Не надо истерик. - Она вновь отстранилась от него. - Я не собиралась падать и не испугалась бы, если бы ты не нависал надо мной. Возьми виски и сядь.

Он нахмурился, но затем, покорно кивнув, уселся на свое место.

Джиллиан не понимала, как ей вести себя с Максом – таким удивительно смирным. Может, дело было в буре гормонов, вызванной беременностью, но ей не хотелось облегчать ему задачу, какой бы она ни была.

Сев к столу, она взяла из миски горсть попкорна и начала бросать в рот по одному зернышку. Желудок требовал пищи, и она не собиралась разводить церемонии.

- Это твой ужин? – изумленно спросил Макс.

- Да.

- Не особо питательный.

- Вполне нормальный.

- Но...

- Ты пришел обсудить мою диету или у тебя на уме что-то другое? – раздраженно закатила глаза Джиллиан. – Надеюсь, о наших прошлых отношениях не узнали журналисты? – Эта перспектива ее по-настоящему пугала.

- Нет.

- Отлично.

- Да, это все усложнило бы. Сейчас нам это совсем не нужно.

- Что усложнило бы? Чего ты хочешь, Макс?

- Ты не понимаешь?

Ей хотелось верить, что он пришел потому, что не может жить без тебя. Но она понимала: подобные сказки с ней не случаются.

- Нет, – ответила она.

- Мы оказались в деликатной ситуации, и, если мы не разрешим ее правильно, это испортит жизнь нам обоим.

- В деликатной ситуации?

- Не притворяйся. Я все знаю.

- Знаешь?

Что же он знает?

Он опустил взгляд на ее живот, затем вновь посмотрел ей прямо в глаза.

Джиллиан охватил ужас. Он знает. Но как он мог узнать о ее беременности?

- Либо говори, зачем пришел, либо пей свой виски и убирайся.

- Ребенок.

- Как? - требовательно спросила она. Ее надежды рухнули под грузом реальности. Опять.

Он пришел не потому, что тосковал по ней и не мог без нее жить. Он вообще не думал о ней.

- Демьян.

- Что Демьян? Подкупил моего врача, чтобы та рассказала ему? Но зачем?

Все это казалось совершеннейшей нелепицей.

- Он провел расследование. Обычное расследование после завершения отношений.

- Ты шпионил за мной? - От мысли о том, что за ней следили чужие глаза, ее затошнило.

Она никогда не думала, что роман с принцем будет чреват подобными сложностями. Они так старались скрыть свой роман от глаз прессы! Она даже не думала, что угроза ее частной жизни будет исходить от Макса.

Ей следовало подумать об этом раньше. Но тогда ей застила глаза любовь к Максиму.

- Я не шпионил. Хотя должен был. Когда ты собиралась меня известить? Или хотела отомстить, промолчав?

- Идиотский вопрос. Когда я дала повод подозревать, что считаю возможным заставлять детей расплачиваться за родительские ошибки?

Она бросила в него вопрос, как перчатку. Макс понимал, что не имеет права ее подбирать.

Джиллиан была права. Ею не двигали ни месть, ни ненависть.

В конце концов, уже будучи взрослой, она поддерживала отношения с родителями, бросившими ее еще младенцем. Это было достаточным доказательством, что понять и простить Джиллиан умела лучше большинства людей.

- Прости. Я не имел права такое предполагать, - проговорил Макс. А он-то думал, что не умеет извиняться! - Когда ты собиралась сказать мне?

- Когда закончится первый триместр.

- Но ты же понимаешь: чем скорее я обо всем узнаю и чем скорее мы можем предпринять все необходимое, тем будет лучше.

- Предпринять все необходимое? - искренне изумилась она.

- Пожениться.

А что еще они могли сделать?

- Ясно.

Ее совершенно не радовала подобная перспектива. А ведь еще десять недель назад она только об этом и мечтала!

Теперь он понимал: тогда она не знала, что та ночь должна была стать для них последней. У него было время обо всем подумать... много времени. И в итоге он пришел к самым неутешительным для себя выводам. В ее глазах он выглядел явно не лучшим образом.

Он это прекрасно понимал.

Теперь он мог даже понять, почему она тогда вызвала охрану. Правда, не до конца. Хотя в будущем, конечно, подобные срывы недопустимы.

Его мать сумеет объяснить это женщине, которой в будущем предстоит стать королевой.

Ну, а сейчас им и так надо многое обсудить, так что с обсуждением прошлых поступков можно и подождать.

- Ты многое воспринимаешь как должное, - задумчиво произнесла Джиллиан, не дав ему произнести ни слова в ответ на ее безразличное «ясно».

- Мой ребенок - наследник трона Воларуса.

- Даже если родится девочка? - Голубые глаза Джиллиан сверкнули.

- Да. Корона передается старшему наследнику монарха, вне зависимости от пола.

- Что ж, прогрессивно.

- Не особенно. Многие монархии не смотрят на пол наследника при передаче короны.

- Правда? Я не знала. - Джиллиан ссыпала в миску остатки попкорна и подвинула стакан с молоком несколько правее.

- Хотя поколение моего отца не назовешь особо прогрессивным, - признался Макс.

- В каком смысле?

- Обычно дети королевской семьи делят между собой роли - кто-то занимается управлением страной, кто-то - бизнесом. Но отец не захотел допустить свою сестру к управлению компанией «Юркович-Таннер».

- Ясно. - Джиллиан явно рассчитывала услышать нечто иное.

- К появлению наследников он тоже подошел по старинке.

Отец Макса женился на его матери лишь ради детей: женщина, которую он любил, не могла родить. И чем все закончилось? Единственный ребенок - и полный разлад в семье.

- Действительно.

Макс и сам не одобрял такое положение дел, но то, что Джиллиан так легко согласилась с ним, укололо его фамильную гордость. Однако оправдывать отца он не стал.

- Ты выглядишь уставшей, - вновь произнес он.

- Я и правда устаю.

- Почему?

- При беременности это в порядке вещей.

Максу не понравился этот ответ. Было ясно: ему необходимо побольше узнать о беременности от кого-нибудь, кто в этом разбирается.

- На данный момент двадцать процентов за то, что беременность закончится выкидышем. – Джиллиан говорила настолько спокойно, что в первый момент он не понял значения этих слов. – Но после двенадцати недель вероятность сразу падает до трех процентов.

Теперь необходимость поскорее найти специалиста казалась ему безотлагательной.

- Но почему так высок риск?

- Выкидыши случаются чаще, чем ты думаешь. – Джиллиан говорила спокойно, но ее беспокойство выдавали напряженные плечи.

- Выкидыша не будет. Это же мой ребенок!

Джиллиан насмешливо покачала головой:

- Тут твои приказы не работают.

- Я не верю, что ничего нельзя сделать.

- Я делаю все, что нужно. Я принимаю витамины для беременных и фолиевую кислоту. Я поменяла режим тренировок на тот, что рекомендован для беременных. Я отказалась от кофе и алкоголя, хотя доктора говорят, что в небольших количествах они мне не повредят. И я стараюсь избегать любых стрессов. – Ее голубые глаза смотрели решительно.

- Ты очень хочешь этого ребенка.

Макс еще не знал, захочет ли она принять его, но ребенка она желает всей душой, это несомненно.

- Больше, чем ты можешь себе представить. Я собираюсь стать образцовой матерью.

- Твоя бабушка дала тебе отличный пример.

А ее мать, подумал Макс, стала для Джиллиан примером того, какой матерью быть не следует.

Джиллиан чуть улыбнулась. Макс, впервые за весь разговор, показалось, что ее голос стал теплее.

- Да, бабушка – чудо.

- Наверное, она ждет ребенка с нетерпением. – Макса беспокоила мысль о том, что кто-то узнал о беременности Джиллиан раньше его. Он понимал, что его волнение выглядит глупо и нелогично, и все же не мог с ним совладать.

- Я ей не сказала.

Макс изумился. Джиллиан говорила бабушке обо всем. Она без проблем согласилась скрывать

их встречи от посторонних глаз, но не собиралась прятаться от родных. Ему даже пришлось встречаться с ее бабушкой и дедом, и он был подвергнут такому перекрестному допросу, какой еще никогда не выпадал на долю наследного принца.

Старшие Харрисы безо всякого пиетета относились к его высокому титулу, и Макс это нравилось.

Да и Джиллиан несколько раз встречалась на светских раутах с его матерью.

Почему же она не сказала бабушке о беременности? Неужели потому, что забеременела до замужества?

- Не думаю, что твоя бабушка осудит тебя за беременность вне брака.

- Она старомоднее, чем ты думаешь. Как ты полагаешь, из-за кого моим родителям пришлось пожениться, чтобы только узаконить мое рождение?

Значит, бабушка Джиллиан будет его вернейшим союзником. Макс запомнил это: в дальнейшем эти сведения могли ему очень пригодиться.

- Я не собиралась говорить никому до двенадцатой недели, - пояснила Джиллиан.

Она очень серьезно воспринимает возможность выкидыша, понял Макс.

- Тебе лучше отгонять негативные мысли, - предложил он.

- Они не негативные. Это реальность.

- Реальность - это твоя беременность, - возразил Макс. - И теперь нам нужно решить, как лучше на нее реагировать.

Куда вдруг девались ее усталость и пессимизм? Джиллиан мгновенно обуял гнев, ее глаза вспыхнули яростью.

- Я делаю все, что нужно.

За восемь месяцев свиданий Макс успел убедиться в том, что Джиллиан - человек практичный. Лишь в последнюю ночь перед ним открылась романтическая сторона ее натуры, о которой он, конечно, мог догадаться с самого начала. Она зарабатывала на жизнь делая фото для обложек любовных романов, и, глядя на ее, безусловно, очень удачные работы, легко было понять, что в ее душе таилась бездна романтики, пусть Джиллиан тщательно это скрывала.

Макс понимал, что в личных отношениях, особенно с женщинами, ему не хватает догадливости. Он был отличным дипломатом, ему не было равных в деловой хватке, но, как он убеждался вновь и вновь, эти качества мало помогали во всем, что касалось чувств. Ни с одной из своих бывших пассий он не смог остаться в дружеских отношениях, очень забавляя этим Демьяна.

Однако сегодня Макс неожиданно и совершенно ясно осознал: здесь может помочь лишь одно. Именно поэтому, как он ни торопился к Джиллиан, он все же притормозил ненадолго у магазина «Тиффани».

И теперь, достав из кармана маленькую бледно-голубую коробочку, он встал перед бывшей подругой, одетой в пижаму, на одно колено:

- Джиллиан Харрис, ты согласна стать моей женой?

Глава 5

Она с недоумением смотрела на него. Затем перевела взгляд на коробочку, словно ожидая, что из нее вот-вот вырвется целый рой рассерженных ос. Однако внутри оказалось всего лишь кольцо – кольцо, достойное не просто принцессы, но женщины, которой в будущем предстоит взойти на трон Воларуса.

- Ты принес кольцо? – озадаченно спросила она безо всякой радости в голосе.

- Ты достойна всех украшений мира, но с учетом того, как мы расстались, вряд ли сейчас они тебя обрадуют.

Стоя на одном колене, Макс чувствовал себя ужасно по-идиотски. Какое счастье, что вряд ли скоро доведется повторять этот фокус! Интересно, что в нем такого романтического?

- Ты прав. После твоих предельно честных слов десять недель назад украшения будут лишними.

Он не знал, что ответить, поэтому предпочел промолчать. Открыв коробочку, он достал кольцо. В центре платиновой оправы сиял огромный квадратный бриллиант, обрамленный с двух сторон желтыми бриллиантами поменьше. Все камни отличались непревзойденной чистотой.

- Джиллиан, выходи за меня замуж!

- Красивое кольцо. – Удостоив украшение лишь мимолетным взглядом, Джиллиан отвела глаза, словно смотреть на него было выше ее сил.

Макс не понимал, в чем дело. Разве женщины не любят драгоценности? Его мать их обожала. Перед каждой годовщиной свадьбы она заявляла, что не хочет «ничего особенного», и все-таки неизменно ждала от отца дорогих подношений.

- Ты настоящая красавица.

Ее губы насмешливо изогнулись.

- Если бы я была лишь одной из ослепительных светских красавиц, ты бы не обратил на меня внимания.

Это было правдой. Если бы она привлекала внимание прессы одной своей безупречной красотой, он мог с ней переспать, но не стал бы с ней встречаться. И все-таки она была симпатичной.

- Я еще никогда не скучал по женщине после расставания.

Она заслужила это признание. Хотя сделать его для Макса было не так-то просто.

- Ты не так уж много встречался с женщинами до меня.

Это тоже было правдой. Хотя дважды у него были серьезные отношения – ну, почти серьезные. В обоих случаях расставание не было мирным. И оба лишь укрепили его в мысли: любовь

только мешает человеку выполнять свои обязанности.

- Я скучал по тебе, - повторил он на случай, если Джиллиан не уловила его мысль.

Она устроилась в уголке дивана, положив ноги на подушку и обняв руками колени:

- Я должна быть в восторге? Ты же бросил меня!

Это была всего лишь необходимость, но Макс полагал, что напоминание об этом очевидном факте вряд ли смягчит Джиллиан.

- Я успел пожалеть о своем решении.

Вздохнув, Джиллиан взглянула на кольцо и вновь отвела взгляд.

- Я не буду ничего обещать до конца первого триместра.

- Это невозможно.

- Девять недель назад ты четко и ясно объяснил, что не готов на мне жениться, поскольку я не могу гарантировать рождение наследника престола. Если у меня случится выкидыш, мы вернемся к тому же самому, и мои шансы забеременеть будут столь же низкими, как и тогда. - По ее полному боли голосу можно было понять, как нелегко дается ей это признание, но ее лицо оставалось бесстрастным.

Макс не мог понять, что причиняет ей эту боль - осознание своих трудностей с зачатием ребенка или понимание, что, не рожая наследника, у них двоих будет мало шансов на общее будущее.

Так или иначе, он не хотел соглашаться с ней.

Он пересел к ней на диван, заметив ее едва уловимую попытку отодвинуться от него в угол.

- Пока мы медлим с объявлением о нашей свадьбе, какой-нибудь журналист в любой день может узнать о твоём состоянии, и пресса накинется на нас всем скопом.

- Если журналисты не подкупят врачей, они не узнают о моем состоянии.

- Демьян не подкупал твоего врача.

- Тогда как он узнал?

- Не уверен, что ты действительно хочешь об этом знать.

- Хочу.

- Через хакера.

- Вы взломали файл с моими медицинскими документами? - гневно переспросила Джиллиан.

- Демьян...

- Да-да, твой кузен, а не ты.

- Тем не менее было бы глупо полагать, что никто другой не сможет это сделать. Есть ведь

плановые посещения врача...

- До двенадцатой недели мне не надо ходить к врачу, - перебила она его.

Макс выразительно посмотрел на нее. Она знала, что он был прав: журналисты легко находили доступ к информации, которую люди считали надежно спрятанной от всего мира.

- Ты очень стараешься держаться в тени. Почему?

- Для Воларуса выгоднее, если члены королевской семьи не попадают на глаза журналистам.

- Почему?

- Если тобой интересуется пресса, значит, тобой интересуется весь мир. А этот интерес легко перетекает в политические дискуссии и множит предрассудки. Сегодня Воларус - малоизвестная страна, которая может похвастаться стратегическим расположением и богатством природных ресурсов. В этом залог нашего процветания.

Кое-кто, слыша название его страны, подозревал, что ее происхождение было связано с Россией. Но это не так. Совсем не так. Название Воларус происходило от украинского выражения, означавшего «свободу от России».

Один из предков Макса был гетманом Украины еще до того, как она вошла в состав России. Не желая того будущего, которое было уготовано их родине, группа украинцев - как знатных, так и самого простого происхождения, - бежала из страны, осев в конце концов на небольшом острове в Балтийском море. Там и было организовано государство Воларус. Официальным и самым распространенным языком страны до сих пор оставался украинский. Завершая среднее образование, каждый гражданин страны в совершенстве владел, помимо родного, хотя бы одним иностранным языком. Сам Макс бегло говорил на четырех иностранных языках и еще тремя владел достаточно сносно для того, чтобы путешествовать по миру без переводчика.

Но вот общий язык с женщинами он находил с огромным трудом.

- Похоже, вся твоя жизнь посвящена Воларусу.

- Да.

Что ж, он не собирается просить за это прощения. И менять ничего не будет.

Он был рожден для исполнения долга, всю тяжесть которого мало кто мог осознать. Но он не жаловался. Его место в мире было вполне определенным, и он не хотел его менять.

- Что ж, это еще одна причина не привлекать всеобщего внимания к твоей стране помолвкой, разорванной из-за выкидыша.

- Я не собираюсь разрывать нашу помолвку, даже если случится выкидыш. - Макс говорил искренне, хотя здравый смысл диктовал обратное.

Но ведь она забеременела после одного-единственного раза, когда они занимались сексом без презерватива! Это явно показывало их идеальную биологическую совместимость. Так что, даже если у Джиллиан случится выкидыш - хотя он был уверен, что этого не произойдет, - она непременно забеременеет вновь.

Кроме того, речь шла не о помолвке, а о свадьбе. С политической точки зрения им следовало немедленно заключить тайный брак, после чего устроить масштабный помпезный прием по этому поводу.

Его мать с удовольствием придумает сценарий. Ей нравилась Джиллиан, она ясно дала ему понять, что одобряет его выбор. Конечно, столь скорая беременность вряд ли ее обрадует, но она не из тех, кто плачется на обстоятельства, которые не в силах изменить.

Королева Воларуса непременно будет настаивать, чтобы брак был заключен как можно скорее.

Впрочем, вслух Макс об этом говорить не стал. Потом он сумеет убедить Джиллиан пожениться немедленно – конечно, если сейчас уговорит ее в принципе принять его предложение.

- Ты считаешь, что я, конечно, соглашусь выйти за тебя. – Джиллиан будто читала его мысли.

Макс положил кольцо ей на колени и встал.

- А что нам еще остается?

- Как это мило!

Он не ответил. Ее сарказм был грубоват, но, в сущности, она была права.

- Мне следовало бы жениться на тебе, даже если бы я не хотел этого. – Он неуклюже попытался дать ей понять, что женитьба на миловидной блондинке нравится ему сама по себе.

- Еще лучше!

Черт побери! Он всегда был отличным дипломатом, но его проклятое неумение общаться с женщинами, похоже, на этот раз все испортит.

Он широким шагом пересек комнату и остановился возле бара. Черт, зачем ему еще виски? Первая порция до сих пор стоит почти нетронутая. Джиллиан может говорить что угодно – и все-таки она носит в животе наследника трона Воларуса. Она должна выйти за него замуж.

- Если бы не беременность, ты этого не предложил бы.

Она говорила без злости, и все же Макс понимал, что эта мысль заставляет ее страдать.

- Какое это имеет значение? – Он посмотрел ей прямо в глаза. – То, что у тебя будет ребенок, – это настоящее чудо. Наше общее чудо.

- Да.

- Значит, ты выйдешь за меня.

- Да, ребенок – это чудо, и все-таки это имеет значение. – Ее лицо излучало решимость. – В ближайшие две недели я не дам никаких обещаний. Ты можешь убеждать меня до хрипоты, но мое решение неизменно.

В ее голосе не было жалости, ее глаза смотрели твердо и непреклонно. Он не привык видеть Джиллиан столь решительной, но понимал, что вопрос закрыт. Она не уступит.

- Значит, мы поженимся через две недели.
- Я ничего не обещаю...
- Да, до начала второго триместра. Я помню.
- Тогда прекрати вымогать у меня обещание, которое я не готова дать.
- Но ты дашь его.
- Я не знаю.
- Ты знаешь. Ты сама сделала выбор.
- Что ты имеешь в виду?
- Встречаясь со мной, ты знала, что этим берешь на себя определенные обязательства. Не такие, как с другими мужчинами.
- Когда я согласилась встречаться с тобой, я не давала согласия подчинить тебе всю мою жизнь!

Он понимал, что она имеет в виду. Да, они не говорили об этом вслух. Но это ничего не меняло.

- Когда ты согласилась заняться сексом без презерватива, ты не знала о своих проблемах с фаллопиевыми трубами.
- Мы занимались сексом вдвоем. Ты тоже принимал решение.
- Я был уверен, что беременность невозможна... по крайней мере, вероятность очень мала.
- Значит, тебе не повезло.
- Я так не считаю.

Джиллиан нахмурилась. И вдруг ей все стало ясно. Хотя она не была уверена, что эта ясность – не обман зрения.

- Что ж, наверное, действительно все сложилось к лучшему. Я рожу наследника трона.
- Я буду любить нашего ребенка не потому, что он – наследник трона.
- Правда? Это уже кое-что.
- Мои отец и мать правили страной. Это нелегко, хоть наша страна и невелика. Но они были хорошими родителями.
- Несмотря на то что твой отец много лет делил время между семьей и своей графиней?
- Идеальных семей не бывает. Моя была не так плоха. Нашему ребенку повезет больше.
- Этого я для него и хочу. Лучшего. Хочу, чтобы он знал, что такое безусловная любовь.
- Та, что дали тебе бабушка и дед?

- Та, которой я ждала от своих родителей.

Она еще ни разу не признавалась в этом. Но он догадывался.

- Мы - не твои родители.

- Но и не твои.

- Что ты имеешь в виду?

- Если - я подчеркиваю, если - я соглашусь выйти за тебя, я выдвину кое-какие требования.

- Например?

- Например, у тебя не будет любовниц. Я - не твоя мать, и я не потерплю интрижек. Ни многолетних, ни мимолетных, ни даже на одну ночь. Я немедленно уйду. В брачном контракте будет сказано, что в случае твоей измены дети останутся со мной.

- Я - не мой отец. И ни в каком виде не собираюсь воспроизводить в своей жизни ничего подобного их многолетней дружбе с графиней.

- Я буду твоей единственной женщиной. И это не обсуждается.

Ему было противно это обсуждение. Джиллиан пыталась заставить его отвечать за грехи отца, а не за его собственные. Он никогда не обманывал своих подружек, даже в студенческие годы. И никогда не смог бы нарушить законы чести по отношению к будущей жене.

- Повторяю: я - не мой отец.

- Для тебя главное - Воларус.

- А для отца - нет.

- Почему ты так говоришь? - пораженно спросила Джиллиан.

Наверное, это и впрямь прозвучало слишком резко. Он редко критиковал отца - и вот сегодня в разговоре с ней уже дважды позволил себе это. Но они с Джиллиан должны пожениться. И при ней он не будет всегда и безусловно поддерживать отца, как делает это на публике. Джиллиан, как и Демьян, станет поверенной его личных тайн.

- Если бы отец ставил Воларус превыше всего, он не поддерживал бы эту связь, которая в любой момент может быть чревата гигантскими проблемами.

- Ты злишься на отца из-за Воларуса, а не из-за чувств матери.

- Мать прекрасно знала о графине, когда соглашалась выйти за отца замуж.

- Если я не смогу выносить ребенка во второй раз, мы прибегнем к помощи врачей или найдем суррогатную мать. Ты не бросишь меня ради женщины, которая сможет родить тебе ребенка. Это будет записано в брачном контракте.

- Хорошо, - согласился Макс, не очень понимая, как Джиллиан сможет добиться гарантий подобного соглашения.

- Мы включим в брачный контракт пункт, по которому, в случае нашего расставания, все дети, родившиеся у нас обоих в период брака, останутся на моем попечении.

- Даже дети, рожденные от меня другой женщиной? - В его голосе ясно слышалось невольное восхищение ее изобретательностью. Да, Джиллиан не просто умна. Она умеет быть безжалостной. Он не мог не оценить этого.

- Разумеется.

- А если их мать не согласится?

- Тогда ей придется биться за своих детей с королевской семьей на глазах у всего мира.

- Ты попросишь помощи отца, чтобы привлечь внимание мировой прессы к Воларусу?

- Ты не представляешь, как далеко я готова зайти ради будущего своих детей. И ради их счастья.

- Представляю. Моя мать была готова пожертвовать всем ради меня.

- Твоя мать - другое дело. Ее сдерживала забота о Воларусе. Я о ней и не подумаю, так что буду биться куда более жестоко.

И в этом Джиллиан была права.

- Ты считаешь мою мать слабой? Это не так.

Раньше он и сам думал иначе, лишь с годами сумев оценить мужество королевы.

- Я считаю, что она слишком часто жертвует собой. Я не такая.

- Но ты не станешь такой, как твои собственные родители. Ты не лишишь ребенка того, что принадлежит ему по праву рождения.

Слушая Джиллиан, Макс понимал: после известия о своей беременности она не один час провела в раздумьях об их будущем браке. И хотя эта мысль вряд ли наполняла ее счастьем, она явно понимала, что должна обеспечить будущее ребенка и защитить его права.

- Чтобы наш ребенок унаследовал трон, мне не обязательно выходить за тебя замуж.

- По законам Воларуса я могу назвать своим преемником любого из родственников. Но после рождения законного наследника все эти заявления утрачивают силу.

- Значит, если ты женишься не на мне, а на другой и у вас будут дети, мой ребенок утратит право на трон? - осторожно спросила Джиллиан, явно что-то обдумывая.

- Верно.

- Отлично.

Макс был в панике. Он не думал, что столкнется с категорическим отказом.

- Ты хочешь лишить нашего ребенка его законного права?

- Ты бросил меня десять недель назад.

- И ребенок должен за это расплачиваться?

- Я должна сделать выбор, который будет лучшим для ребенка. Он этого заслуживает. Не факт, что выйти за тебя замуж – это лучшее, что я могу сделать.

- Почему, черт возьми?

- Ты меня не любишь.

Макс попытался что-то сказать, но Джиллиан предостерегающе подняла руку.

- Для тебя это не имеет значения, я знаю. Но для меня – имеет. И я должна решить, стану ли я идеальной матерью, если выйду замуж за человека, который меня не любит и который так легко выбросил меня из своей жизни.

- Это было не так уж легко.

По ее лицу он понял: она считает, что это признание было слишком мягким, да к тому же запоздавшим. Словно подтверждая его догадку, Джиллиан промолвила:

- Достаточно легко. Тебя не было бы здесь, если бы ты нечестными методами не узнал о моей беременности.

- Они не были нечестными.

- Ты получил конфиденциальную информацию из моей медицинской карты. Ты не считаешь это нечестным? Тогда что же это?

- Необходимость.

Неожиданно Джиллиан рассмеялась. Услышав ее смех, Макс испытал облегчение.

- Ты тот еще тип, Макс, ты в курсе?

- Я принц.

- Принц, который считает себя вправе следить за бывшей подружкой.

- Я уже говорил тебе...

- Да-да, это все Демьян. Я знаю, вы с ним – как братья. Но я не догадывалась, что ваша дружба простирается так далеко.

- Он сделал то, что считал необходимым.

- Зачем? Ты же понимал, что я не побегу с этой новостью к репортерам.

- Я рассказал ему о той ночи.

- Что?

- Что мы не пользовались презервативами.

- И ты рассказал ему об этом?!
- Да.
- Почему? - Джиллиан была поражена.
- Я был пьян.
- Почему? - нахмурилась Джиллиан.
- Я тосковал. По тебе. - Максу было тяжело вновь сознаваться в этом.
- Ты говорил.
- Я не лгал.
- Верю.
- Но в первый раз ты решила, что я лгу.
- Да, чтобы убедить меня.
- Ты совсем мне не доверяешь!

Эта мысль шокировала Макса. Всю жизнь его считали человеком достойным доверия.

- Да, не доверяю.
- Это невозможно.
- Ты это уже говорил. Но сам посуди: ты пришел сюда, лишь узнав о моей беременности. С чего мне доверять тебе?
- Ты сама знаешь с чего.
- Я знаю только, что раньше ты не считал нужным даже обратиться к врачу, чтобы повысить мои шансы на беременность.

Он не знал, что ответить. Она права, какой бы болезненной ни была эта правда.

- А ты не сомневаешься, что ребенок твой? - спросила Джиллиан.
- Нет.
- Ах да, ты же шпионил за мной... Так что, если бы я сделала какую-нибудь глупость - к примеру, переспала с незнакомцем, чтобы мне стало легче, - ты бы об этом узнал.

Она говорила так, будто и вправду обдумывала эту идею, и Макса это больно кольнуло.

- Мне такое даже в голову не приходило, - проговорил он.
- Почему? Мы же расстались.
- Ты не спишь с кем попало.

- Когда человеку плохо, он способен на любые глупости.

Макс пожал плечами. Он этого не понимал. Контролировать себя он учился с колыбели.

- Впрочем, - продолжила Джиллиан, - я ни с кем не спала.

- Только не говори, что жалеешь об этом. Лично я этому очень рад.

- А ты?

- Что - я? - Он на мгновение растерялся, потом понял. - Нет, у меня никого не было.

- Почему?

- Я скучал по тебе. - Теперь, когда он не пытался произвести на нее впечатление, это уже не казалось ложью. - И я тебе верю.

Глава 6

Джиллиан казалось, что весь мир объединился в заговоре против него, стараясь каждую секунду напоминать ей о Максиме, принце Волариса.

Как будто ей без этого было легко не думать о нем!

По работе ей часто приходилось иллюстрировать книжные обложки. Но не только. В обычное время.

А тут - три дня подряд она целыми днями делала снимки для обложки любовного романа. Не отвлекаясь больше ни на что. И как назло, все его героини были блондинками.

Она часто снимала брюнеток, рыжих и даже девушек с розовыми перьями в волосах. Но в эти три дня светловолосые модели просто преследовали ее.

И все они к тому же испытывали интерес к высоким темноволосым красавцам.

Правда, ни один из них не был в точности похож на Макса. Им всем недоставало стали в характере, блистательного равнодушия, которое позволило ему уйти от нее, даже не обернувшись.

Ее модели-мужчины были по-своему прекрасны. Но ни один из них не был Максом. При взгляде на них не начинало усиленно биться сердце, не перехватывало дыхание, а тело не обдавало жаркой волной.

И из-за этого не думать о Максе было еще труднее.

Впрочем, и сам он делал все, чтобы не дать ей собраться с мыслями.

Несколько раз в день он присылал ей эсэмэски. Он делился с ней разнообразными фактами о беременности. Это было разумно и даже, пожалуй, мило. Каждое его послание выражало заботу о ее удобстве и о здоровье ребенка, и она ценила это.

Но при этом он вел себя так, как будто они до сих пор были вместе. Он приглашал ее

поужинать вместе, сходить на концерт, просил сопровождать ее на разнообразные светские мероприятия...

Как будто в ответ на ее мысли, телефон настойчиво оповестил: «Вам сообщение».

Двое моделей, готовившихся к съемке, вопросительно взглянули на нее.

- Хотите прочесть? - спросил очередной темноволосый не-Макс.

- Это подождет, - покачала головой Джиллиан.

- Не смущайтесь, читайте, мы подождем! - предложила блондинка, улыбаясь одновременно Джиллиан и своему партнеру.

Ага. Кажется, девушка не прочь пообщаться с партнером помимо работы. Парень не был женат, и Джиллиан не собиралась мешать зарождающемуся роману.

- Спасибо.

Схватив телефон, она углубилась в чтение.

«Сегодня дают „Баядерку“. Пойдешь?» - писал Макс.

Черт! Он знает, как она любит балет!

«Очень занята», - написала она в ответ. Она не хотела вновь втягиваться в эти отношения - по крайней мере, пока не разберется, чего хочет от будущего.

«Точно? Отличные места».

Искушение было велико, но она удержалась.

«Точно».

Тишина. Нет ответа.

Джиллиан неожиданно ощутила разочарование. Она кивнула моделям, приглашая их вернуться к работе. В голове вновь всплыли мысли о будущем. Мысли о том, что ей предстояло сделать выбор, который бесповоротно изменит судьбу ее ребенка.

Джиллиан была благодарна судьбе за то, что у нее есть бабушка и дедушка, которые бесконечно любят ее. Но оба они, как могли, сопротивлялись тому, чтобы она считала их родителями. Может, поначалу они еще надеялись, что ее отец станет уделять своей дочери больше внимания. Потом это стало лишь попыткой сохранить иллюзию того, что Рич Харрис все-таки был ее папой. Тогда как на самом деле он был лишь донором спермы и щедрым спонсором.

Это были его собственные слова. Он произнес их со смехом, будто не понимая: для его единственной дочери это не анекдот, а трагедия.

Она не желала такой судьбы своему ребенку.

Впрочем, Макс не был похож на Рича. Принц любил своих родных, хотя никогда не заговаривал об этом вслух. Но его любовь ясно читалась в том, что он делал для них, в его

готовности пожертвовать собственными желаниями ради тех немногих, кто был ему по-настоящему дорог.

Его родители, Демьян – Макс готов был на все ради них.

Это его качество она отметила одним из первых. Из-за него она лелеяла бесплодные мечты, касавшиеся их отношений.

Увы, ее он не любит. Но Макс, несомненно, будет обожать своего ребенка, кем бы ни была его мать. Это нельзя было сбрасывать со счетов.

Макс настойчиво стучал в дверь квартиры Джиллиан. С того самого вечера, когда он без приглашения вломился к ней в дом, он звонил и писал ей каждый день. Она обычно отвечала на сообщения, иногда брала трубку в ответ на его звонки, но никогда не перезванивала ему сама. Под тем или иным предлогом она отказывалась встречаться с ним. Она даже отказалась пойти на «Баядерку»!

Это было совсем не похоже на прежнюю Джиллиан, готовую на все ради встречи с ним. Тогда это вызывало у него улыбку, даже если день выдавался нелегким.

Он не думал, что Джиллиан окажется столь непреклонной. В будущем этому следует положить конец. Ее упрямство было невыносимо.

Он не привык к тому, чтобы женщины относились к нему подобным образом. Ему это не нравилось. С него хватит.

На следующий день ему предстояло улететь на Воларус. Но он не собирался покидать Сиэтл, не договорившись с ней кое о чем.

... Дверь распахнулась. На пороге стояла раздраженная Джиллиан.

- Как ты попал в здание?

Макс пожал плечами. Она была не слишком довольна, услышав о хакере. Если она узнает, что он снял квартиру под ней, в которой ни разу не был, только лишь для того, чтобы иметь возможность свободно заходить в ее подъезд, это ее тем более не обрадует.

- Ты слишком настойчив.

- В самый раз.

Покачав головой, Джиллиан направилась в кухню.

- Что ж, заходи. Ужина, который ты заказал, хватит на двоих. Думаю, ты рассчитывал разделить его со мной.

- Тебе не понравилось?

- Обожаю цыпленка с пармезаном. Особенно из этого ресторана. Кстати, они же не готовят блюд на вынос, но для тебя сделали исключение. Что тут может не понравиться?

Макс не знал, что ответить, и предпочел промолчать. Тем более он уже знал, что беременные отличаются эмоциональной нестабильностью.

- Ты уже не первый день заказываешь для меня ужин с доставкой. Я оценила, - проговорила Джиллиан. Впрочем, ее голос и неприязненная гримаса выражали скорее раздражение, нежели благодарность.

Бабушка могла бы ею гордиться, подумала Джиллиан. Она все-таки поблагодарила его, хотя с большим удовольствием послала бы к черту.

- Ты устаешь, зачем тебе готовить?

Макс считал, что ей не стоит утомляться, работая целыми днями. Но он благоразумно смолчал. Что ж, хотя она и отказывалась его видеть, он делал все, что мог, чтобы позаботиться о ней.

- Беременные женщины тысячи лет готовили без проблем.

- Эта беременная женщина может себя не утруждать. - Он положил руку ей на плечо.

Джиллиан вздрогнула, словно от электрошока, и поспешно отодвинулась.

- Мои прикосновения тебе неприятны? - спросил Макс.

Он читал, что многие женщины во время беременности не хотят секса, но надеялся, что Джиллиан попадет в число тех, у кого беременность, напротив, возбуждает желание. Все это время ему безумно не хватало секса с ней. Кроме того, он надеялся, что постель поможет им вновь найти взаимопонимание.

Джиллиан промолчала. Открыв контейнеры с едой, она ловко разложила блюда по тарелкам, по-прежнему не говоря ни слова. Тем временем Макс отнес в маленькую гостиную приборы, поставил на стол стаканы.

- Я хочу поесть на диване! - крикнула из кухни Джиллиан по-прежнему раздраженным тоном.

Казалось, она злится на него за то, что он сам не догадался об этом. Не очень понимая, как он мог прочесть ее мысли, Макс перенес все на кофейный столик рядом с диваном.

- Что ты будешь пить? - спросил он.

- Молоко, - недовольно скривилась Джиллиан. - Оно полезно для ребенка.

- Кальций есть во многих продуктах. Не обязательно пить молоко, если не хочешь.

Раньше она любила молоко. Или все это из-за беременности?

- Прекрати надо мной трястись! - Джиллиан зло сверкнула глазами.

- Ты предпочла бы, чтобы я не думал о том, чего ты хочешь?

- Да. Так было бы проще.

- Что было бы проще?

- Сам знаешь.

- Ты имеешь в виду свою так называемую проблему выбора?

- Она не так называемая!

Раздражение росло в нем, кажется, уже не уступая ее собственному. Но Макс контролировал себя, по-прежнему говоря твердо и уверенно.

- Когда речь идет о нашем ребенке, никакого выбора быть не может. Ты сама это понимаешь, просто не хочешь себе в этом признаться.

- А у твоей матери был выбор?

Странный вопрос! Неужели Джиллиан полагает, что его мать могла выйти за его отца лишь по подобной причине? Эта мысль больно ранила гордость Макса, и, отвечая, он не сумел сдержать раздражения:

- Она не была беременна, когда выходила замуж, если тебя интересует именно это. Она забеременела лишь через два года после свадьбы.

- Тогда почему она вышла замуж за твоего отца?

Она задала этот вопрос таким тоном, словно войти в его семью было хуже смерти. Это был уже не легкий укол, а мощный рассчитанный удар по его фамильной чести.

- Многие женщины были бы счастливы получить предложение от моего отца, - огрызнулся Макс.

- Но она ведь знала о графине, когда выходила замуж? - недовольно скривившись, спросила Джиллиан.

При этих ее словах Макс нахмурился. Конечно, они говорили об этом и раньше, и все же ему было неприятно упоминание о любовной интрижке отца, которая многие годы отравляла ему жизнь.

- Знала. И что?

- Не представляю, как можно выйти замуж за мужчину, у которого роман с другой.

- Ну, тебе-то незачем переживать по этому поводу.

Макс был твердо уверен, что не повторит ошибок отца. Романтическая страсть приносит лишь боль, отвлекая от того, что действительно важно, и мешая исполнять свой долг.

- Однажды ты можешь влюбиться в другую, - неуверенно предположила Джиллиан.

Слава богу, она, кажется, понимает, насколько это маловероятно!

- Если бы я в кого и влюбился, то в тебя.

Уж это-то она осознает, Макс был в этом уверен.

И тут его ждал удар. Как оказалось, одни и те же слова они слышали и воспринимали совершенно по-разному!

- Неужели ты не понимаешь, что твои рассуждения разрывают мне сердце? - тихо покачала головой Джиллиан.

Нет, он этого не понимал. Он-то думал, что ей будет приятно об этом услышать!

- Ты бы предпочла, чтобы я лгал тебе?

- Я бы предпочла, чтобы ты любил меня.

Он хотел отвернуться, чтобы не видеть боли, отражавшейся в ее глазах. Но нет: у него хватит сил, чтобы принять последствия собственных слов.

- Мне очень жаль.

- Эти же слова ты сказал, когда уходил десять недель назад.

- Я был искренен.

Не монстр же он в самом деле!

Нахмурившись, Джиллиан вернулась к ужину. Посыпая цыпленка свежим пармезаном, она старалась не смотреть на Макса.

- Боюсь, мы не сможем обойтись без скандала, - проговорила она.

- Если только небольшого. Но если грамотно его разрулить, он не повредит моей стране. У меня отличные специалисты по связям с общественностью.

Разумеется, пресса будет неистовствовать. Его свадьба станет для журналистов горячей новостью, но его пиарщики будут наготове: шум утихнет очень быстро, оставив лишь положительные эмоции. Если только новость об их разрыве не просочится в прессу раньше, чем информация о свадьбе и будущем ребенке.

- Этим занимается Демьян?

Макс не понял вопроса:

- Ты же знаешь, он - исполнительный директор компании «Юркович-Таннер».

- Я имею в виду, он настоящий Макиавелли. Заниматься пиаром - как раз для него.

- Я скажу ему, что ты так считаешь.

- Скажи. И еще скажи, что нехорошо нанимать хакеров, чтобы копаться в чужих медицинских картах.

- Об этом лучше скажи ему сама.

Сам Макс был очень благодарен кузену за предусмотрительность.

- Скажу, разумеется. Может, сотрудники вашей фирмы его и боятся, но я - нет.

- Его многие боятся, это так.

О Максе говорили то же самое, хоть он и был прирожденным дипломатом. А Демьяну было значительно проще - его не смущали вопросы политической необходимости.

- Он страшный человек.

- Тебе нечего его бояться.

Они как-то уже обсуждали эту тему. Тогда Джиллиан закончила разговор, заявив, что под защитой Макса ей нечего бояться его кузена, сколь бы страшным человеком тот ни был.

Голубые глаза Джиллиан сверкнули. Она явно не забыла тот разговор, хоть и не была настроена и дальше поддерживать тему. Сжав губы, она подхватила тарелки и понесла их в гостиную. Макс, открыв холодильник, обнаружил там молоко и вишневый лимонад. Взяв пакет с лимонадом, он двинулся вслед за Джиллиан. Увидев у него в руках пакет с лимонадом, она нахмурилась, но он ясно видел, что на самом деле она рада этому знаку внимания.

- Твой любимый.

- В последнее время я с ума по нему схожу.

- Значит, твоему организму не хватает витаминов А и С.

- Да, доктор Макс.

- Я читал, что, если беременной чего-то очень хочется, значит, скорее всего, это нужно ребенку либо он уже подчистил в мамином организме все запасы.

- Я тоже об этом читала.

- Значит, ты все-таки читаешь о беременности?

- Да. - Джиллиан не стала этого отрицать: в конце концов, второй триместр приближался. Что ж, хорошо.

- Насколько я смог выяснить, шансы на выкидыш у тебя скорее процентов десять, чем двадцать.

Правда, не все соглашались с этим, и некоторые врачи продолжали настаивать на цифре 20 - по крайней мере, до двенадцати недель беременности. Шансы на неблагоприятный исход увеличивал стресс, который Джиллиан испытывала из-за того, что отец ее ребенка не был ее мужем и был к тому же принцем. Макс понимал это. Но изменить своего положения он не мог. Что же касается второй проблемы, он не понимал, как с ней справиться, если она отказывается даже говорить о свадьбе до волшебной отметки в двенадцать недель.

- Думаешь, один к десяти - это хорошие шансы? - Она с любопытством взглянула на него.

- Думаю, да.

Она не стала спорить. Его это обрадовало: он не хотел, чтобы она мучила себя неприятными мыслями. Ведь мысль - сильное оружие.

Несколько минут они ели молча, затем Джиллиан вновь повернулась к нему:

- Спасибо тебе за ужин. Очень вкусно.

Макс не стал напоминать, что она уже поблагодарила его, понимая, что это - попытка примирения.

- Да, вкусно. Не стоит меня благодарить: заботиться о тебе - моя обязанность. Спасибо, что

позволила мне остаться.

- Только на ужин. Мы больше не пара, Макс.
- То, что у тебя в матке растет ребенок, свидетельствует об обратном.
- Ты упрямец.
- А сама-то!

Джиллиан хихикнула, и Макс улыбнулся в ответ.

- Бабушка всегда называла меня хитрюгой. Все считают меня беззаботной, потому что я никогда не спорю из-за того, что считаю не имеющим значения.

Теперь он лучше понимал ее. Лишь сейчас он осознал, что в действительно важных вопросах она может быть твердой как скала.

- Значит, если что-то важно для тебя, ты будешь биться до последнего?
- В общем, да.

А ведь когда он сказал, что между ними все кончено, она не пыталась бороться за него. За то, чтобы остаться с ним. Она говорила о любви - но отпустила его, даже не попытавшись удержать. От этой мысли он почувствовал боль в груди. Странно: от еды из этого ресторана у него никогда раньше не горело в груди.

Глава 7

- Я думаю, свадьбу надо устроить на шикарном круизном лайнере. Один мой друг - владелец теплоходной компании. Его суда ходят в том числе из Сиэтла на Аляску. Я уверен, он сумеет сохранить тайну и заранее о свадьбе не узнает ни один человек.

Джиллиан подскочила от неожиданности. Весь ужин он был необычайно молчалив.

- Я-то думала, тебе дела не дают покоя. - Она рассмеялась. - Надо было догадаться. Если уж ты что-то задумал, тебя ничто не отвлечет.

Именно его упорство и стремление к однажды поставленной цели привели его обратно к Джиллиан.

Быть может, постепенно Джиллиан оправилась бы от расставания. Ведь каждый день разлуки она делала, что могла, чтобы выбросить безответную любовь из своего кровоточащего сердца. Но один его короткий визит - и все вернулось к началу. Ее душа будто онемела. Джиллиан понимала, что это оцепенение - защита от страданий. Она часто испытывала подобное в детстве.

- Уверю тебя, я вполне способен одновременно заниматься несколькими задачами.
- Раньше я тоже так думала.
- Что же изменило твой взгляд?

- Может, ребенок, может, беременность, а может, наша предстоящая свадьба – я еще не приняла окончательного решения, хотя ты все эти три дня, кажется, только о ней и думаешь.

Макс уселся на диван, закинув ногу на ногу и вытянув руку вдоль спинки.

- Вот видишь, это уже три задачи.

- Ха-ха.

- Я не шучу, а констатирую факт. В эти три дня я вел переговоры о переуступке прав на шахту в Зимбабве, где ведется добыча редких минералов, для компании «Юркович-Таннер». Кроме того, я внес поправки в несколько контрактов и подписал их, разрулил небольшие политические затруднения между Воларусом и Канадой, устроил собеседование с несколькими кандидатами на пост министра образования Воларуса, провел телеконференцию по поводу обсуждения работы одной из наших шахт и закончил составлять новый пакет дополнительных льгот для американских сотрудников «Юркович-Таннер».

Да он просто какой-то суперэффективный автомат по решению проблем в бизнесе и политике, поразила Джиллиан.

- И все-таки ты находил время несколько раз в день строчить мне эсэмэски и звонить с меньшей частотой.

- Да. Так что ты можешь понять, что я считаю приоритетным.

Джиллиан открыла рот, собираясь ответить остроумной шуткой, да так и застыла, не найдя что сказать. Он был прав. Мало кто из мужчин справился бы со столь напряженным графиком, как у Макса, – а он все же ухитрился находить в нем время для нее.

Он всегда был таким.

- Но ты же не любишь меня. – Это не было обвинением, скорее ее слова выражали удивление перед подобным несоответствием.

Почему он так заботился о ней, если его волновали лишь интересы короны? Впрочем, в этом вопросе таился ответ. Он был готов на все ради своей страны и ее народа. С этой точки зрения найти хорошую жену и мать будущего наследника престола было важной задачей.

- Я знаю, что многие считают любовь доброй силой, меняющей жизнь к лучшему. Но я так не считаю.

- Откуда ты знаешь?

Он никогда не любил ее. Он растоптал ее душу, отверг ее любовь. Но так ли это важно в сравнении с будущим ее ребенка? Это был главный вопрос. Следовало ли, принимая решение, помнить о причиненной ей боли? Ее родители ставили собственные чувства, желания, карьеру и элементарные житейские удобства выше счастья своего единственного ребенка. Джиллиан всегда оказывалась проигравшей.

Такой судьбы она своему ребенку не желала.

Макс поднял бровь, без слов демонстрируя неуместность ее вопроса.

И тут она поняла. Насколько же наивна и близорука она была! Конечно же он прекрасно знал

о темной стороне любви – ведь он многие годы наблюдал роман своего отца с так называемой любовью всей его жизни.

- Любовь твоего отца к графине – это совсем не то. Каждый сам выбирает, что делать со своей любовью.

- Это ты так думаешь.

- У него был выбор. Он сам выбрал путь, от которого мыслящие люди отказались еще в Викторианскую эпоху.

- Неужели? Ты уверена?

- Нет. Но если у графини, как у меня, были проблемы с зачатием, он все равно мог бы жениться на ней. Они могли бы нанять суррогатную мать.

- И рисковать тем, что эта женщина заявит о праве на трон Воларуса по праву рождения ребенка?

- Глупости. Неужели среди подданных вашего королевства не нашлось бы женщины, которой они могли бы доверять? Которая могла бы принести подобную жертву монархии?

- Он предпочел мою мать. Ее преданность стране была ему хорошо известна.

- И она потребовала заключения брака.

- Она считала, что станет лучшей королевой, чем разведенная бездетная графиня Валек.

Интересно, подумала Джиллиан, любила ли в те годы королева Оксана короля Федира? Быть может, ее требование брака было связано не столько с интересами государства, сколько с сердечным интересом? Быть может, она надеялась, что, родив детей королю, заслужит его любовь и преданность? Что ж, она просчиталась.

- У вас дисфункциональная семья, ты в курсе?

- Уж не меньше, чем твоя.

- Туше.

Темные глаза Макса смотрели на Джиллиан с выражением, которое она никак не могла разгадать.

- Ты говорила, что любишь меня.

Догадайся она, что он вспоминает об этих словах, она бы давно надела тарелку с соусом ему на голову. Впрочем, вопрос прозвучал бесстрастно, в нем не было ни грамма самодовольства, хотя за кажущейся бесстрастностью Джиллиан различила нотки любопытства.

- И что?

- Но за меня ты не боролась.

- Что? Это я не боролась?

- Ты выгнала меня из квартиры, даже не попытавшись остановить.

- А чего ты ожидал? - Джиллиан непонимающе взглянула на него. - Ты же бросил меня. Ты считал, что я недостойна даже того, чтобы мы могли обратиться за помощью к врачу.

- Но ты могла спорить, настаивать. Если, конечно, хотела остаться со мной.

Бороться за него так же, как его мать боролась за его отца? И какой результат она получила?

Джиллиан попыталась сдержать сарказм. И все же она не могла поверить своим ушам: он что, пытается свалить на нее вину за то, что между ними произошло?

Но нет, наверное, нет. Похоже, он лишь пытался пояснить, почему не считает любовь исключительно позитивной силой. Кажется, он надеялся, что, подумав, она поймет его.

- Но ты же сказал, что не любишь меня, - попыталась объяснить Джиллиан.

- Я никогда не говорил, что люблю тебя, но ты знала, что я собирался на тебе жениться.

- Это так.

Именно поэтому расставание стало для нее таким болезненным. Его уход стал крушением ее надежд.

- Почему именно на мне? Я не из королевской семьи. Во мне нет ничего особенного.

- Это не так. Ты удивительно цельная личность.

- Такие женщины есть и среди тех, кто обладает хорошими связями.

- У тебя тоже неплохие связи.

- Ты стал встречаться со мной, потому что мой отец - известный журналист? - Она внутренне сжалась, ожидая ответа.

- Нет. Я встречался с тобой, потому что ты мне нравилась. И больше ничего. - Уверенный ответ не оставлял места для догадок. - Послушай, Джиллиан, что бы ты обо мне ни думала, я не хотел, чтобы моя семья была похожа на родительскую. Я хотел связать жизнь с женщиной, которая действительно могла бы стать моей второй половиной. И потом, ты умеешь с завидной уверенностью держать себя на дипломатических приемах.

- Это все от застенчивости. Я просто научилась выгодно использовать ее.

- Ты производишь впечатление замкнутой, но доброй девушки.

- Я не самый лучший дипломат.

- Когда ты станешь принцессой Воларуса, тебе придется этому научиться.

- Значит, тебе нужны связи моей матери! - Это никогда не приходило Джиллиан в голову.

- Да, она ведь у тебя популярный политик - и у себя в ЮАР, и, пожалуй, во всем мире.

- Действительно.

Правда, подумала Джиллиан, ярая феминистка Анналия Питцу вряд ли одобрит свадьбу дочери с отпрыском королевской фамилии, не говоря уже о какой-либо помощи. Она была подвижницей и революционеркой и при ежегодных визитах дочери всякий раз давала ей понять, как она разочарована ее выбором профессии. – Но ее происхождение королевским не назовешь.

Макс пожал плечами:

– Женитьба на девушке из королевской семьи, особенно участвующей в политике, несет с собой свои проблемы. Я к ним не готов.

– Но, может, твоим подданным было бы приятнее, если бы ты женился на женщине с Воларуса?

– Если бы кто-то из моих соотечественниц нравился мне так, как ты, я бы, конечно, просил ее руки.

– О! – Джиллиан поняла: в вопросах брака Макс не собирается прислушиваться к соотечественникам – ни к элите, ни к среднему классу. Бедняков на Воларусе не было: эта маленькая страна была достаточно богата.

– Это все, что тебя волнует? – удивленно спросил Макс.

– В том, что касается секса, я тебя устраиваю, ты этого не скрывал.

– Ты устраиваешь меня как личность. Мне нравится твой необычный образ мыслей, да и вообще у нас немало общих интересов.

– Так что ты решил, что я – твоя идеальная женщина?

– Да.

– А потом ты узнал, что я, вполне возможно, не смогу родить.

– Да, что с этим будут проблемы.

– Тебя это огорчило?

– А ты как думаешь?

– Я думаю... – Она долго старалась не вспоминать об их последней ночи, но теперь, оглядываясь назад, ясно видела, с каким отчаянием он проводил рядом с ней, как он думал, последние часы. Теперь, слушая его, она понимала: действительно расставание далось ему нелегко. Она уже готова была попросить у него прощения... но все-таки вспомнила, что решение расстаться, как-никак, принял он. – Я думаю, ты сделал свой выбор.

– Да, – кивнул он. – А ты свой, решив не бороться за меня.

– Это было бы глупо, – возразила Джиллиан. За что она должна была бороться, раз он все равно не любил ее?

Теперь ей предстояло решить: будет ли ее ребенок счастлив в семье, где лишь один из родителей любит другого. Шестое чувство ясно и недвусмысленно говорило ей: «Да!»

Эта мысль не была особенно радостной, и все же она принесла Джиллиан облегчение. Теперь она сможет подарить своему ребенку совершенно иную судьбу, нежели ее родители когда-то уготовили ей.

Если у нее хватит мужества.

Если она позволит Максу приблизить ее к себе, взять под защиту, – несмотря на то что он не любит ее.

– Ты знала, что я собирался сделать тебя следующей королевой Воларуса.

– Да, хотя об этом я как раз не думала.

– Зато я думал. И ты должна была об этом знать. Как и о том, что я собираюсь жениться на тебе. Но ты позволила мне уйти, даже не попытавшись уговорить меня остаться.

Она не стала спорить. Он был прав – со своей точки зрения.

– Я не видела в этом смысла.

– Не видела смысла? Ты же говоришь, что любишь меня!

Быть может, ей удалось бы его убедить. Судя по его словам, это не было невозможным. Она могла заставить его почувствовать себя слабым и даже пересмотреть свои взгляды на долг и честь.

Впрочем, любовь приходит и уходит, а его чувство долга непоколебимо. В том числе – долга по отношению к ней как матери его ребенка.

Достаточно ли ей этого?

Всю жизнь Джиллиан таила в сердце мечту – стать особенной для одного-единственного человека на земле. Чтобы он считал ее интересы их общим делом, поставив их выше собственного комфорта.

Она никогда не хотела стать для кого-то всем. Для нее это было слишком безрассудным. И это хорошо. Ведь даже если бы Макс любил ее, долг по отношению к своей стране все равно был бы для него важнее.

Но она хотела большего. Хотела быть не просто женщиной, случайно забеременевшей наследником престола. Не просто женщиной, которую можно бросить в одночасье, узнав, что у нее проблемы с репродуктивной системой.

Сможет ли она быть счастливой, не получив этого?

Заглянув в свою душу, она поняла: да, это возможно.

Джиллиан внимательно посмотрела ему в глаза. Ее сердце болезненно сжалось. Что бы он ни говорил, она твердо знала одно, пусть даже Макс в это не верил.

– Любовь – действительно мощная сила. И я действительно люблю тебя.

– Даже теперь?

- Даже теперь.

Неужели все, что он делал, было лишь ради этого признания?

Но нет. В выражении лица Макса не было радости победы – это говорило само за себя. Наоборот, он нахмурился:

- И все же ты не хочешь выйти за меня до начала второго триместра. Где же хваленая сила любви?

И вновь Джиллиан смогла лишь раскрыть рот в изумлении, не в силах вымолвить ни слова.

Макс словно бы готовился к обороне, но она не могла понять, с чем это связано. Быть может... она не могла поверить... быть может, он ощутил собственную уязвимость?

- Неразделенная любовь приносит боль, – гневно ответила она.

Неужели он этого не понимает?

Он резко выпрямился, напряженно поинтересовавшись:

- Чем же я делаю тебе больно, интересно?

- Ты не хочешь быть со мной.

- Но ведь именно этого я и хочу!

- Но только ради ребенка.

- Я собирался просить твоей руки еще до беременности!

- Но не стал, когда узнал, что мне якобы будет сложно зачать ребенка.

- При чем тут «якобы»? Это медицинский факт.

- Значит, я могу больше никогда не забеременеть.

Он должен был признать этот факт и найти решение.

- Тогда мы усыновим ребенка или воспользуемся услугами суррогатной матери.

- А что насчет проблем из-за суррогатной матери или биологической матери усыновленного ребенка?

- Я не разделяю отцовских страхов. И потом, ни одна женщина не сможет ставить мне ультиматум вроде того, перед которым мать поставила отца. Я ведь буду женат.

- И еще до свадьбы мы четко пропишем все это в брачном контракте.

- Обязательно.

Она чуть не рассмеялась, но грудь теснило, и воздуха не хватало. Надо же, он хочет заключить брачный контракт! Настоящий осторожный политик.

- Ты правда хочешь больше одного ребенка? – переспросила она: ведь его родителям одного

сына оказалось вполне достаточно.

- Да. - В его голосе не было ни капли сомнения.

- Даже если для этого потребуется усыновление или суррогатная мать?

- Да.

- А что насчет ребенка из пробирки? - Она погладила живот, словно обещая нерожденному еще младенцу братика или сестричку.

- Зависит от того, готова ли ты к многочисленным неудачным попыткам. И потом, если зародышей окажется больше двух, это будет опасно для тебя. Мы не можем рисковать твоим здоровьем.

Так, значит, именно этим его пугало ЭКО? Риском для нее?

- А сколько детей ты хочешь?

- Как минимум двоих. Можно и больше.

Она была единственным ребенком, но их с Максом образ в окружении многочисленного потомства казался ей неодолимо притягательным.

- Ты же живешь во дворце. Там хватит места для большой компании.

Макс рассмеялся, чувствуя, как напряжение покидает его. Его расслабленная поза показалась Джиллиан чрезвычайно сексуальной, но она постаралась отогнать эту мысль.

- Уж четверо как-нибудь разместятся.

- Четверо? - Ее сердце гулко забило, голову закружил вихрь чувств.

- У тебя будут помощники.

- Я не собираюсь препоручать своих детей чужим людям.

- Нет, конечно. Но тебе не обязательно всякий раз самой менять подгузники.

Она устроилась с ногами на диване и, положив на колени подушку, расслабленно вытянула руки.

- Ну, ты-то уж точно не будешь возиться с подгузниками. Ты же все-таки принц!

- Я этого не говорил.

- Точно, - кивнула она.

- Но мы отвлеклись от темы.

- От какой темы?

- Ты говоришь, что любовь ко мне причиняет тебе боль, и это мешает согласиться выйти за меня замуж. - С каждым словом его лицо и поза становились все напряженнее. Эта мысль ему не нравилась, теперь Джиллиан ясно видела это. Но она не собиралась лгать лишь ради того,

чтобы пощадить его чувства. Он же ее не жалел!

- Ты меня не любишь.

- И что?

- Для меня это проблема.

- Я не согласен.

- Уж поверь, - фыркнула она.

- Ты начинаешь язвить, когда устаешь, как я замечаю.

- Я не устала, - проговорила Джиллиан, но тут же зевнула, разоблачив тем самым свою маленькую ложь.

Макс понимающе улыбнулся:

- Конечно, совсем не устала.

- Ладно, устала. А у тебя какое оправдание? - Ей было все труднее и труднее злиться на него, поэтому вопрос прозвучал скорее шуткой, чем обвинением.

- За что мне оправдываться?

- За сарказм.

- Я вообще саркастичный парень.

Что ж, с этим она не спорила.

- Значит, сам факт того, что я не люблю тебя, причиняет тебе боль?

- Да.

Наконец-то он понял!

- Бессмыслица какая-то.

- Ты бросил меня без раздумий, потому что не любишь. Если бы ты любил меня, ты бы не смог сделать это так легко.

- Так же легко, как ты отпустила меня? - Макс вопросительно поднял бровь.

В глубине души Джиллиан понимала: в этом сравнении есть смысл. Хотя он и не учитывал кое-какие реалии, которые она, однако, не могла отбросить.

- Это было нелегко. Я ужасно тосковала.

Еще одно признание, без которого она предпочла бы обойтись. Но его решительное нежелание понять не оставило ей выбора. Она гневно взглянула на него. Но Макс, похоже, не впечатлился:

- Я тоже тосковал. Я уже говорил тебе об этом.

- Но расставание было твоей идеей. - Джиллиан чувствовала, к чему он клонит.

- Я считал, что у меня нет выбора.

Именно поэтому она считала, что с планами на будущее, пусть оно и сулило ей замужество и титул принцессы, лучше подождать.

- Если у меня случится выкидыш...

- Немедленно замолчи! Ты не потеряешь этого ребенка! - Макс, кажется, рассердился не на шутку.

В этом месте она не хотела с ним спорить. С каждым днем отметка в двенадцать недель была все ближе, и шансы на жизнь у ее ребенка, которого она уже любила и всей душой пыталась защитить, становились выше.

- Но ты можешь полюбить другую.

Это был ее самый глубинный страх. От этого ее не мог спасти никакой, даже самый строгий брачный контракт. Что бы он ни думал по этому поводу, любовь не остановить. Макс мог понять это, лишь взглянув на своего отца. Безусловно, он впитал чувство долга перед страной и монархией с молоком матери. А вот король многие годы поддерживал любовную связь, которая могла принести державе немало проблем.

Потому что он любил графиню.

- Этого не случится. - Ее слова явно не прозвучали для Макса убедительно.

- Если это случится, даже ты, при всей твоей силе воли, не справишься с этим.

- Справлюсь, конечно. Дело не в силе воли, а в действиях. А тут я могу за себя ручаться.

- Каким образом? - Джиллиан отнюдь не разделяла его уверенности.

- Для начала, я не собираюсь подпускать других женщин слишком близко. Это гарантирует отсутствие близких отношений между нами, а следовательно, и любви неоткуда будет взяться, - уверенно произнес он.

Что ж, он отлично умеет держать людей на расстоянии, у него в этом немалый опыт. Но даже ненамеренная близость способна разрушить любые добрые намерения.

- А что, если какая-нибудь женщина сделает все за тебя?

- Это из области фантастики, и ты это прекрасно понимаешь. Мои сотрудники - сплошь мужчины, но, если я вдруг приму на работу женщину, которая будет испытывать ко мне симпатию, я переведу ее в другой офис или уволю - в зависимости от того, как она будет выражать свои чувства.

- И ты даже не почувствуешь искушения?

Джиллиан доводилось бывать у Макса в офисе. Действительно, там работали одни мужчины, и все же в штате «Юркович-Таннер» было множество хорошеньких женщин, работавших как в США, так и на Воларусе.

- Нет. А ты бы почувствовала?
- В смысле к другому мужчине? Нет, конечно.
- Но влюбленные вечно изменяют друг другу.
- Не всегда. Обычно, наоборот, нет.
- Ты в этом уверена?

Нет, конечно! Откуда ей знать?

- Бабушка и дед никогда не обманывали друг друга.
- Они - исключительные люди, - кивнул Макс, соглашаясь. - Но и они кое-что предпринимали, чтобы обеспечить крепость своего брака.
- Да.
- Я собираюсь сделать то же самое.
- Ты так уверен, что никогда никого не полюбишь?
- А ты настолько уверена, что это произойдет?
- Нет. Но это возможно.

Хотя, подумала Джиллиан, по ходу разговора ее уверенность в этом начала таять.

Макс был решительно настроен на то, чтобы никогда в жизни не дать любви ослабить его. Джиллиан поражалась, как могла не догадаться об этом до сегодняшнего дня. Это же было ясно с самого начала! Она обманывала себя, списывая все на его презрение к чувствам в целом. И все же она могла легко понять, как в действительности обстоят дела, когда речь впервые зашла о «каникулах» его отца.

- Значит, если человек любит, он не может разлюбить или влюбиться в другого? - спросил Макс.
- Ты сам знаешь, такое случается.
- Потому что они не защищают свою любовь, не поддерживают ее, не считают главным в своей жизни.
- Похоже, ты даже слишком хорошо разбираешься в любви - по крайней мере, для человека, отрицающего ее существование.
- Я ее не отрицаю. Я просто не считаю, что это исключительно добрая сила, которая заряжает человека энергией. Любовь мешает исполнять свой долг и делает сильного слабым. - Он произнес эту фразу, словно непреложную истину. Это читалось в его позе, в его голосе, в блеске темных глаз. - Замени слово «любовь» словом «отношения» - и ты поймешь, каким я вижу наш брак.

Джиллиан сглотнула. Она была до глубины души поражена его представлением о браке.

- Наш брак будет для тебя настолько важен?

- Важнее всего на свете.

Джиллиан была уверена, что он заблуждается.

- Это неправда.

- Ты обвиняешь меня во лжи?

- Да. Для тебя всегда на первом месте будет Воларус. Наш брак не изменил бы этого, даже если бы ты любил меня.

- Но наш брак очень важен для благополучия моей страны. Стабильность монархии означает стабильность для Воларуса.

Они явно говорили о разном.

- Если тебе придется выбирать между важным политическим мероприятием и нашей семейной годовщиной, ты без раздумий отправишься на мероприятие.

- Я умею планировать и сумею избежать подобного выбора.

- Бывают вещи неизбежные.

- Реже, чем ты себе представляешь.

Было ли это обещанием? Его глаза говорили «да».

Вопреки рассудку, Джиллиан хотела поверить ему. Ее собственная семейная история научила ее: даже если человек не называет что-то своим истинным именем, это не мешает ему действовать так, как должно.

Бабушка и дед были ее истинными отцом и матерью, хотя и не позволяли называть себя так.

Они так много дали ей! Ради того, чтобы видеть, как она взрослеет, они отказались от своей мечты пораньше выйти на пенсию и с удовольствием путешествовать вдвоем.

Макс предлагал ей такую же преданность. И пусть он не сопровождает свое предложение красивыми словами о любви, от этого оно не становится менее ценным.

И от него непросто отказаться.

- А почему ты выбрал круизный лайнер? – вырвалось у нее.

Вот теперь в его темных глазах ясно читалась радость победы.

- Аристон, мой друг, – надежный человек. На его молчание можно положиться.

- Аристон?

- Аристон Спиридакос.

- Судовой магнат?

Впрочем, Джиллиан ничуть не удивилась, что друзья Макса – люди богатые и могущественные. В конце концов, однажды он станет королем, а сегодня занимает директорский пост в компании, играющей видную роль на мировом рынке, хотя многие и не подозревают о ее существовании.

- Его корпорация чем только не занимается.

- И круизами тоже?

- В том числе.

- Правда, ты предложил круиз между Сиэтлом и Аляской с заходом на острова только потому, что я давно о нем мечтаю?

Она однажды упоминала ему об этом. Лишь однажды. Но Макс никогда не забывает о том, что хочет воплотить в жизнь.

- Я всегда буду идти навстречу твоим желаниям.

Глава 8

- Всегда? - Ее сердце затрепетало. Чувство грустной неизбежности уступало место совсем другой эмоции – надежде.

Но если она вновь будет разрушена, ее сердце этого не выдержит.

- Нам стоит подождать до рождения ребенка. Чтобы быть уверенными.

- Нет. Перестань. Я сказал, брось эти черные мысли!

- Я просто стараюсь быть реалисткой.

Он рассмеялся, будто над удачной шуткой:

- Ты – одна из самых безнадежных пессимисток среди моих знакомых.

- Неправда! Я оптимистка.

- Если только на фоне других пессимистов.

- Тебе нравится Винни-Пух?

- Моя мать читала мне в детстве эту книжку. Как и твоя бабушка – тебе. Я не с другой планеты.

- Да, я знаю. Я просто... - Честно говоря, она сама не знала, что хотела сказать. Может, сообщить ему, что его детство нельзя считать обычным или хотя бы нормальным? Вряд ли ему это понравится. К тому же это неправда.

- Если ты оптимистка, значит, должна верить в наше будущее и в будущее нашего ребенка.

- Ты удивительно уверен в себе.

- И не зря.

- Ты самонадеян!

- Иногда.

Далеко не иногда, а гораздо чаще. Но, пожалуй, лучше смолчать. Ей не хотелось выглядеть записной спорщицей. По крайней мере, не сейчас. Сейчас ей хочется очутиться в его объятиях и услышать, что все будет хорошо.

Но в такие сказки она перестала верить еще в детстве.

Мысль о комфорте его объятий вызвала странное напряжение в теле. Ее оборона слабела. Желая дать себе время собраться с духом, она поднялась на ноги и стала собирать тарелки:

- Отнесу посуду на кухню.

- Давай помогу. - Макс вскочил и начал торопливо собирать со стола остатки трапезы.

- Я беременна, но не беспомощна.

- Раньше ты не наблюдала, как я собираю со стола тарелки. - Он смотрел на нее веселым, поддразнивающим взглядом.

- Нет, - нехотя согласилась она.

- Теперь видишь. Это вежливость, а не чрезмерная забота.

Джиллиан не была уверена в его честности - впрочем, как и в своем нежелании стать объектом его чрезмерной заботы. Она улыбнулась ему в ответ. Они удивительно ловко управились с посудой, мигом сложив ее в посудомоечную машину.

- Для принца ты очень хозяйственный.

- Ты это уже говорила.

- Ты, кажется, рассказывал, что больше десяти лет живешь один?

- Точно.

- Но в твоём роскошном пентхаусе в не менее роскошном доме имеются домработница и прислуга, к тому же жильцам у вас полагаются услуги местного шеф-повара и прачечной?

- И что?

Джиллиан протерла стол. Тем временем Макс продолжал возиться с посудомоечной машиной.

- Но ты отлично управляешься с посудой! Неужели домработница и прислуга оставляют невымытые тарелки в раковине, предоставляя тебе право заняться ими?

- Я четыре года учился здесь в университете, а потом еще два года, чтобы получить степень мастера бизнес-администрирования. - Макс ловко заложил в дверцу машинки моющее средство и удовлетворенно хлопнул. - И все шесть лет я самостоятельно мыл посуду и стирал белье.

- Неужели ты жил в общежитии? - спросила Джиллиан, облокотившись о кухонный стол.

- Только на первом курсе. Это значило только, что мне не приходилось готовить самому. На втором курсе мы с Демьяном сняли квартиру на двоих.

- И у вас не было домработницы? - Джиллиан не могла себе представить Демьяна обслуживающим себя без помощи прислуги.

- Мы старались не привлекать внимания к своей частной жизни.

Что ж, Джиллиан хорошо представляла себе, что за частная жизнь могла быть у двух молодых студентов. Даже слишком хорошо.

- Удобное решение.

- Да. Не все жители Воларуса родились во дворцах. Если мне в будущем предстоит принимать решения ради этих людей, я должен хорошо понимать их жизнь. - Макс снял пиджак и повесил его на спинку стула.

- Думаешь, прожив шесть лет без слуг, ты стал ее понимать?

Макс стянул с шеи галстук и аккуратно пристроил его поверх пиджака.

- Отчасти. Еще мне помогло то, что летом я часто жил вместе с простыми семьями на Воларусе - людьми разных профессий и социального положения.

- Ничего себе! Ты меня удивил. - На последнем слове голос Джиллиан вдруг сорвался: она увидела, что Макс расстегивает рубашку, под которой виднелась туго обтягивающая майка. Сглотнув, она храбро продолжила: - И что, родители тебе это позволяли?

- Они сами на этом настаивали. В свое время отец поступал так же, и его отец тоже.

Макс не стал снимать рубашку. Однако Джиллиан уже не сомневалась в его планах на окончание вечера. Впрочем, она сочла за лучшее не поднимать этот вопрос, поскольку не была уверена, что неизбежный спор окончится ее победой. Так что она продолжала беседу как ни в чем не бывало:

- Удивительно!

- Но для наших детей это вряд ли будет возможно. Теперь к вопросам безопасности у нас относятся куда серьезнее.

- Да, все в мире становится взаимосвязанным, - откликнулась Джиллиан.

В прошлом маленькая страна и ее правящая династия считали своей главной защитой свою малую известность. Но с появлением Интернета, а вместе с ним и вездесущих папарацци никто в мире не мог гарантированно оставаться незамеченным.

- Да, и на Воларус это влияет весьма серьезно. - Макс небрежно прислонился к стене возле небольшого столика.

Джиллиан беспокойно бродила по кухне, переставляя предметы на столе, проверяя таймер на посудомоечной машине и всеми силами избегая его взгляда.

- Сегодня мы вынуждены вести жизнь, подобающую монархам, - иначе кого-то из членов королевской семьи однажды могут похитить.

Эта мысль испугала Джиллиан: ведь этому риску в будущем подвергнется и ее ребенок.

- Или убить, - жестко закончил Макс.

Холодок пробежал по спине Джиллиан, и она, резко остановившись перед ним, взглянула ему прямо в глаза:

- Не говори так!

- Что ж, теперь ты понимаешь, что я чувствую, когда ты говоришь подобное о нашем ребенке.

- Я говорю правду, и вовсе не для того, чтобы тебя расстроить!

- И я.

- Хорошо, хорошо, я поняла. Я больше не буду говорить о выкидыше.

- А о свадьбе? - спросил он с обычным своим обаянием, которое Джиллиан всегда считала неотразимым. Впрочем, как и все в Максе.

- На круизном лайнере?

- Если тебе не нравится эта идея, я готов выслушать твои предложения.

- Нет, она мне нравится.

Даже слишком, подумала Джиллиан.

- Аристон будет рад. - Макс улыбнулся, не скрывая собственной радости.

- Ты с ним уже говорил?

- Ты же знаешь, я не откладываю дело в долгий ящик.

- Да, но...

- У Аристана тоже трудности на личном фронте. Так что он будет рад помочь.

Джиллиан охватило любопытство: какие, интересно, трудности на личном фронте могут быть у могущественного судового магната? Впрочем, сейчас Джиллиан была слишком погружена в собственные проблемы, чтобы всерьез задумываться о чужих.

- Я хочу пригласить бабушку и дедушку.

- Разумеется.

- И не забудь о брачном контракте.

Макс старался сохранить серьезное выражение, но искорки в глазах и легкая улыбка в углах рта выдавали его чувства.

- Но помни: я потребую от тебя тех же гарантий, которых ты захочешь от меня.

- Без проблем.

Он кивнул, словно и не ждал иного ответа.

Джиллиан глубоко вздохнула, сдаваясь перед лицом неизбежности:

- Хорошо, я выйду за тебя замуж.

Да, она понимала, что не сможет отказать своему ребенку в том, что положено ему по праву рождения. И кроме того, она любила Макса. И надеялась, что их брак будет не хуже, чем любой союз, в котором оба любят друг друга.

Потому что будущее без него для нее будет несчастным.

- Спасибо. - Порывшись в кармане, он извлек оттуда знакомую бледно-голубую коробочку.

- Ты знал.

Макс открыл коробочку, извлекая на свет великолепное кольцо:

- Я надеялся. Но на всякий случай у меня был запасной план.

- Какой же?

Неужели он надеялся ее соблазнить?

- Моя мать.

Глаза Джиллиан изумленно распахнулись. Его мать? Да, эта женщина никогда не стеснялась быть безжалостной ради своей семьи и своей страны.

- Я рада, что до этого не дошло.

Достав кольцо из коробочки, Макс засмеялся:

- Она не такая уж страшная.

- Да что ты! Она страшнее Демьяна!

- Не думаю. - Улыбнувшись, он потянулся к Джиллиан, чтобы надеть ей на палец кольцо. Но она неожиданно отшатнулась, ощутив, что хочет любой ценой избежать его прикосновения.

- Я не имею права тебя коснуться? - Макс выглядел совершенно сбитым с толку.

- Я... - Она сама не понимала, что с ней.

- Тебе никогда не были неприятны мои прикосновения. - Макс сузил глаза.

- Нет, но...

Он мягко, но настойчиво прижал свой палец к ее губам:

- Меня не было рядом, и ты от меня отвыкла. Но я выведу тебя обратно к солнцу.

- Ты не солнце.

- Но ты - цветок. И должна вновь расцвести. - Откровенный взгляд придавал его словам

оттенок непристойности.

- Прекрати выражаться, как арабский шейх!

Макс рассмеялся:

- Уверяю, меня вполне устраивает то, что я - гражданин Воларуса.

Она и не сомневалась. Нельзя было сильнее гордиться своим происхождением, чем гордился им наследный принц Воларуса Максим Юркович. Джиллиан тянуло к нему с неодолимой силой - и одновременно хотелось оттолкнуть его.

Она постаралась расслабиться, но мышцы спины и шеи по-прежнему не слушались ее, оставаясь в напряжении.

Макс, прищурившись, посмотрел на нее и настойчиво положил руки ей на плечи. Она почувствовала неловкость, ее вновь обуяло желание бежать, но она подавила его усилием воли.

Он подвинулся ближе. Она бессильно откинулась, не в силах освободиться, как будто ее придавило грузовиком. Ее охватила паника, она часто, тяжело дышала.

Он медленно провел пальцем по ее шее, остановившись там, где в страхе билась жилка, отсчитывая пульс.

- Кажется, ты слишком сильно реагируешь на меня.

- Да. - Она не знала, что с собой делать. Его тело было так близко, что она чувствовала исходящий от него жар. В прошлом этот жар казался возбуждающим и приятным. Часто, лежа с ним ночью, Джиллиан с радостью думала, что его тепло не дало бы ей замерзнуть даже в самые холодные ночи в ее родном доме на Аляске.

Теперь же, чувствуя совсем рядом тепло его тела, она ощущала себя в ловушке. И не могла понять, в чем дело.

Пальцы Макса настойчиво поглаживали ее шею вокруг точки, где по-прежнему лихорадочно колотился пульс.

- Твое тело бежит от моих прикосновений. Тебя тревожит моя близость.

- Не знаю, отчего это, - произнесла Джиллиан. Впрочем, она догадывалась. Его уход стал для нее катастрофой. От него она страдала сильнее, чем от многолетнего родительского безразличия. Ее нынешняя реакция была инстинктивной. Так реагируют на удар животные. Даже если от удара пострадали лишь чувства, даже если он причинил ей боль ненамеренно - все равно теперь ее инстинкты воспринимали его как угрозу.

Джиллиан не знала, сколь глубока ее боль, поскольку не осознавала всей силы своей любви. Но теперь она поняла одно: действительно, для нее любовь отнюдь не всегда несла лишь добро.

И только она сама могла изменить это.

Она полагала, что дело было в Максе. В том, что он отверг ее. Что не любил ее.

Но она могла бороться за него - если хотела, чтобы он остался рядом. А она этого хотела. Но она с ранних лет усвоила: иногда борьба не может привести к победе.

- Я пыталась. Но не смогла.

- Что ты пыталась сделать, *myla moja*?

Украинские слова, означавшие «моя любимая», тронули ее сердце, несмотря на то что она чувствовала себя не готовой к прикосновению его пальцев.

- Я пыталась заставить родителей любить меня. Быть со мной.

- Даже если я не готов к любви, я хочу быть с тобой. Я хочу тебя. И всегда буду хотеть.

По его лицу она видела, что он обещает искренне. Она не до конца верила в то, что может положиться на его слова, но она так хотела верить в них! Это желание вызывало физическую боль, куда более острую, чем та, что давно притупилась, хотя по-прежнему не оставляла ее.

В темных глазах Макса неожиданно отразилось понимание.

- Ты надеялась, что, если будешь идеальной во всем, они захотят быть рядом с тобой?

- Да. Но получилось наоборот. Они считали, что я отлично обхожусь без них. Даже бабушка и дед не догадывались, как я страдала оттого, что Рича и Анналии нет рядом. Анналия до сих пор приводит меня как пример того, каким удачным может оказаться разумный выбор для всех заинтересованных сторон.

- Она считает, что, отказавшись быть твоей матерью, она поступила лучше для всех.

- По крайней мере, она так говорит.

Макс поймал ее взгляд:

- С ее стороны было бы гуманнее отдать тебя на удочерение.

- Бабушка и слышать об этом не хотела. Она настояла на том, чтобы самой вырастить меня. Они с дедом любят меня, хоть и не зовут меня дочерью.

- Они никогда не отказывались от тебя.

- Как от внучки.

- Но никогда не называли тебя дочерью, хотя именно они растили тебя.

- Они не могли.

- Потому что этим они признали бы, что твой отец, их любимый сын, – совсем не тот человек, каким они его воображали.

Джиллиан поразила, насколько хорошо он ее понимает. Но тут ей пришло в голову, что в собственной семье Макс столкнулся точно с такой же проблемой.

- Именно так.

- Но ты все равно отличный боец.

- В других вещах. – Она пыталась опустить глаза, но не смогла.

- В важных вещах. - Его голос прозвучал необычно.

- В важных, но не в самых важных. - Джиллиан надеялась, что он поймет разницу.

Он непонимающе нахмурился. Что ж, придется объяснить. Впрочем, теперь она не возражала.

- После того как ты ушел, тогда, утром, я три дня сидела дома и рыдала, совершенно разбитая. - Она все-таки сумела отвести взгляд, не желая смотреть на то, как он воспримет ее признание. - Мне постоянно снились кошмары... я просыпалась от них и понимала, что это - всего лишь воспоминания.

- Но это... - Макс не закончил фразу. Признанный дипломат совершенно не знал, что сказать.

- Да, так ведут себя люди, пережившие тяжелую потерю.

- Но я не умер.

- Но наши отношения умерли. - Она вновь поймала его взгляд. Он должен поверить, что она говорит абсолютную правду. - Я потеряла тебя и не могла надеяться, что ты вернешься.

- И все-таки, узнав о беременности, ты мне не позвонила. - В его глазах отразилось непонимание.

- Я знала, что ты будешь настаивать на браке, и боялась, что не смогу тебе отказать.

- Если ты поступаешь так, как лучше для ребенка, не считаясь с тем, чего это будет тебе стоить, это нельзя назвать слабостью.

- Слабость была в том, что я сама очень хотела выйти за тебя, - тихо призналась Джиллиан. - Но не хотела заманивать тебя в ловушку.

- Я не чувствую себя в ловушке. - Он сглотнул, напряженно глядя на нее. - Я не хотел причинять тебе подобной боли.

- Я верю.

- И все-таки причинил.

- Да.

Но он же не любил ее, так что откуда ему было знать, насколько тяжело ей будет его потерять?

- Я тебя больше никогда не оставлю.

Эти слова прозвучали как клятва. Произнеся их, он надел ей на палец кольцо.

Его слова бальзамом пролились на ее израненное сердце. Она и подумать не могла, что маленькое колечко способно принести ей подобное облегчение.

Что ж, может, она и не сможет собрать из осколков свое разбитое сердце, но теперь оно уже не будет болеть так, как в эти десять недель.

- Я тоже никогда тебя не покину.

- Я знаю, - выдохнул Макс. - Ну, а теперь давай докажем твоему телу, что оно по-прежнему принадлежит мне.

- Ты настоящий собственник.

- Тоже мне новость!

- Для меня - новость, - не согласилась Джиллиан. Пока они встречались, в Максе иногда включались собственнические инстинкты, но настолько безапелляционно они проявились впервые. - Ты - пещерный человек!

Он хищно улыбнулся, в его глазах сверкнуло желание.

- Ты носишь моего ребенка. Это делает меня собственником, включает инстинкты предков.

- Ох! - изумленно выдохнула Джиллиан.

- Между прочим, я читал, что многие беременные хотят секса сильнее, чем раньше.

- Я... - Она сама не знала, что думает по этому поводу. Она всегда хотела его и не чувствовала, что гормоны беременности что-то добавляют к этому желанию.

- Но, насколько я знаю, на отцов это не распространяется. - Теперь в его намерениях сомневаться не приходилось. Макс хотел ее. И это было не просто желание приятно провести время в постели. Макс хотел обладать ею, матерью своего ребенка, во всех смыслах - и в этом тоже.

Поймав его взгляд, Джиллиан вздрогнула.

- Тебе холодно? - промурлыкал он, подвигаясь ближе. - Давай я тебя согрею.

- Мне не хо... - Но он не позволил ей закончить фразу, прикинув к ее губам в поцелуе, жадно требуя ответа. И подчинения.

Ее тело, только что в страхе отталкивавшее его, подчинилось тут же, не раздумывая. Она прикинула к нему, ее губы распахнулись, принимая его. И он, подобно своим грубым пещерным предкам, тут же воспользовался ее приглашением. Его язык сплетался с ее, его пальцы поглаживали ее шею, затем спустились к плечам, и, наконец, его ладони обхватили ее груди. Это прикосновение будто пронзило ее жаждущее тело насквозь. Застонав, она теснее прижалась к нему. В ответ он издал торжествующий рык, полный животного экстаза.

Внешне Макс был настоящим принцем, цивилизованным и лощеным. Но в его груди билось сердце дикого казака. Он никогда не смирится с частью - ему нужно все. Теперь она понимала это абсолютно ясно. Ему недостаточно надеть ей на палец кольцо и назвать ее своей принцессой. Он хочет обладать ею целиком - овладеть ее телом, разумом и душой.

И она отдаст их ему, как обещала.

Согласие стать его женой потребует от нее многого, о чем она и не задумывалась десять недель назад.

Джиллиан вновь вздрогнула. Рука, лежавшая на ее плече, тяжело и решительно двинулась вниз. Его крупная мужская ладонь гладила и мяла ее ягодицы, без слов заявляя о своем полном и безраздельном владении ее телом.

Он прижал ее ближе. Теперь их разделяла только одежда. Его твердеющий член вжался ей в живот. Он требовательно раздвинул бедром ее ноги, прижимаясь им к ее вульве. В этой позе, бережной и невероятно сексуальной, он мягко прижимал бедром ее клитор, но и этой легкой ласки оказалось достаточно, чтобы она задрожала в экстазе.

Она гладила его шею, ерошила пальцами шелковистые каштановые волосы на затылке, слегка подергивая прядки – не в попытке оттолкнуть его голову, но лишь от возбуждения. Его поцелуй стал глубже и требовательнее. Слегка согнув ногу между ее бедер, он крепко схватил ее за ягодицы и придвинул плотнее к себе. Теперь он сильнее стимулировал клитор, и ее желание стало почти болезненным.

Она мечтала сбросить одежду, но не могла сказать об этом, не в силах прервать их поцелуй. Его ладонь мяла ее ягодицы, подсаживая все выше на его бедро, его пальцы дотянулись до внутренней поверхности бедер. Каждое его движение было наслаждением. Джиллиан казалось, что оргазм настигнет ее раньше, чем они сбросят одежду. Макс, казалось, изо всех сил торопился доставить ей максимум наслаждения. Обычно он вел себя иначе. Но он ведь сам признался, как отчаянно тосковал по ней!

Было ли дело в гормонах беременности или лишь в отчаянной тоске по нему и долгом отсутствии секса, Джиллиан не знала. Да и не хотела знать. Страстный секс был именно тем, что ей было нужно. Она не хотела, чтобы он относился к ней как хрупкому сосуду лишь потому, что она носит под сердцем его ребенка. Она хотела всей душой почувствовать его желание.

Глава 9

Джиллиан согласилась посвятить свою жизнь мужчине, который ее не любил.

Лишь его бурная страсть, его желание давали надежду на их общее будущее.

Его руки проникли под пижаму, к обнаженной груди. Погладив болезненно напрягшиеся соски, он начал ласкать пальцами кожу вокруг них. Она застонала, не желая скрывать всю силу своего желания. По крайней мере, в сексе они были совершенно честны друг с другом и понимали друг друга с полуслова. Она надеялась, что так будет всегда.

Это была не любовь, но и не просто вождление – слишком сильна была ее любовь к нему, и слишком безраздельно было его чувство собственности.

Он легко погладил ее сосок, и она вскрикнула, не отрываясь от его жадных губ.

Он прервал поцелуй торжествующим криком:

– Моя!

– Ты еще самонадеяннее, чем я думала.

Его темные глаза сверкнули.

– Признай это. Ребенок в тебе и ты, женщина, которая носит его, – вы мои!

– Да, твои. Но помни: ты отвечаешь за наше благополучие и за то, чтобы мы ни в чем не нуждались.

Впрочем, у нее была работа, которая могла обеспечить ее.

- Я знаю, - откликнулся Макс. Его красивое лицо стало серьезным. - Ты боишься, что я причиню тебе такую же боль, какую отец причинил моей матери. Но этого не будет.

- Твой отец не мог причинить твоей матери такую же боль, как ты - мне. - Даже если бы его мать по-своему любила короля Фемира, когда потребовала свадьбу в обмен на ребенка.

Глаза Макса удивленно расширились, но в них мгновенно сверкнуло понимание.

- Потому что ты любишь меня.

- Да.

Если бы королева Оксана любила короля Фемира так, как Джиллиан любила Макса, она никогда не обрекла бы его на безрадостную жизнь женатого человека, вынужденного украдкой встречаться со своей истинной любовью. Его счастье было бы для нее главным. Как счастье Макса для Джиллиан. Если бы она считала, что их брак будет для него несчастьем, она отказалась бы от свадьбы. Она была в этом уверена.

- Ты все время говоришь об этом. Это потому, что я не горю ответить тем же? - спросил Макс, продолжая ласкать ее и заставляя таять от удовольствия.

- Для тебя это важно? - выдохнула Джиллиан.

На секунду в его глазах мелькнуло смущение и тут же исчезло.

- Теперь мне кажется, что да.

- Тогда я буду и дальше говорить об этом.

Кто знает? Быть может, когда-нибудь он сумеет до конца постичь смысл слова «люблю». Джиллиан остается лишь надеяться, что он однажды почувствует любовь именно к ней, а не к другой.

- Прекрати! - вдруг резко приказал Макс.

- Что?

- У тебя в голове опять бродят эти мрачные мысли.

- Откуда ты знаешь?

- У тебя лицо становится такое, как будто тебе угрожает потеря всех радостей жизни.

Джиллиан опустила глаза. В этот момент она вовсе не радовалась его сверхъестественному умению понять ее.

- Не глупи, - отрезала она.

Разочарованно вздохнув, он вновь приник к Джиллиан губами. Теперь он покрывал поцелуями ее шею. Она вспомнила, сколь умело он доводил ее до экстаза: удовольствие, столь же острое, как и раньше, пронзало все ее тело.

Она вновь ощущала себя на грани оргазма. Но на сей раз Макс не прерывал процесс разговорами: он быстро довел ее до экстаза, еще не успев коснуться ее клитора.

Она, даже не пытаясь сдержаться, кричала от удовольствия, в то время как ее тело содрогалось в сильнейших судорогах оргазма.

Потом он раздел ее прямо в кухне, сам мгновенно скинул с себя одежду и, подхватив ее под бедра и широко раздвинув их, удерживал ее на весу мощными мускулами своего почти двухметрового тела.

Его эрегированный член прижимался к ее разбухшему клитору и вульве, истекавшей соком в ожидании его вторжения.

Он помедлил. Мышцы его шеи бугрились от напряжения.

- Ты - единственная женщина, с которой я когда-либо занимался сексом без презерватива, - произнес он.

- Даже когда ты был молод и глуп? - выдохнула она, чувствуя, как его член входит в ее вагину - пока лишь на пару сантиметров.

- Молодым я был, а вот глупым - нет.

- Но ты, встречаясь со мной, никогда не переживал из-за половых инфекций.

- Я видел твои медицинские документы.

- Что ж, разумно.

- Хочешь правду?

- Всегда.

- На самом деле мне это и в голову не приходило.

Он даже не думал об этом. При этой мысли она почувствовала, как что-то теплеет в душе.

- Отлично, - улыбнулась она.

- Хоть и непрактично.

- Я бы так не сказала.

- Ты бы умерла от смущения, - усмехнулся он.

- Не уверена, что не умру от него при встрече с Демьяном.

- Не умрешь.

После этих слов сдержанность покинула Макса, и он резко вонзил в нее член на всю длину. У него вырвалось удовлетворенное рычание, и, словно в ответ, Джиллиан накрыло новой волной желаний, которое, казалось, лишь возматало от ощущения его плоти в себе.

С лица Макса слетели последние остатки цивилизованности. Он овладевал ею по-животному

грубо, и каждое его мощное, резкое движение накрывало Джиллиан волной экстаза. Оба тяжело дышали.

- Больше никогда... - выдохнул он сквозь сомкнутые зубы, продолжая двигаться в ней. Ее клитор пульсировал от невыразимого удовольствия.

- Больше никогда, - согласилась Джиллиан, не понимая до конца, с чем соглашается, но чувствуя, что он ждет от нее согласия.

- Десять недель - это слишком долго.

Без секса, поняла она. И хотя Джиллиан полагала, что он нуждается в ней не только эмоционально, но и физически, она понимала: его неукротимая страсть может стать одной из гарантий их отношений.

- Но теперь ты опять моя, - заявил он, проникая в нее как можно глубже, будто заставляя ее навек запомнить, кому она принадлежит.

Впрочем, она и не сомневалась.

Джиллиан ничего не сказала. Да слова и не были нужны. Ее тело восторженно соглашалось с его притязаниями. Где-то внутри у нее возникло сладостное напряжение, становившееся все сильнее, сильнее... сильнее... И наконец, взорвалось новым сильнейшим оргазмом.

На этот раз он кончил одновременно с ней. Его член, казалось, разбух еще сильнее, ее экстаз уже граничил с болью... и наконец она почувствовала, как горячее семя толчками выплескивается в ее вагину.

Макс уткнулся лицом в ее шею. Его мускулистая грудь вздымалась резкими толчками. Хрипло дыша, он вытолкнул из себя единственное слово:

- *Моя*.

«Моя».

Несмотря на животный экстаз совокупления, Джиллиан вдруг ощутила в нем ту же эмоциональную глубину, что и той ночью десять недель назад. Слезы навернулись ей на глаза.

Казалось, Макс неведомым образом догадался о ее состоянии. Подняв голову, он взглянул на нее:

- Слишком сильно?

- Нет! - воспротивилась она.

- Тогда откуда слезы?

- Не знаю.

- Гормоны?

- Может быть, - нерешительно проговорила она.

- Интересно. - Он сузил глаза. Затем, взяв ее за левую руку, он поднес к губам палец с кольцом

и поцеловал его. Чувство собственности ясно читалось в его темных глазах.

А вот потом он стал истинным джентльменом. Осторожно высвободив Джиллиан, он поставил ее на пол, продолжая бережно поддерживать в объятиях. Затем он нежно поднял ее на руки и отнес в ванную. Ванна Джиллиан ничуть не походила на ту, что стояла в его пентхаусе: в нее едва помещался один человек. Вряд ли они уместились бы в ней вдвоем, разве что под душем. Но Джиллиан чувствовала, что он думает совсем о другом.

Ей мучительно не хотелось отрываться от него. Впрочем, она не сказала ни слова, когда он осторожно опустил ее на край ванны. Затем, включив кран, он стал сыпать в воду соль – ту самую, что ей особенно нравилась. Джиллиан смотрела, как вода поднимается все выше, и тихо радовалась, чувствуя, как его рука, размешивающая соль, касается ее бедра.

- Запах розмарина напоминает мне о тебе.

- Выходит, розмарин – трава, навевающая воспоминания?

- Нет, просто им пахнет твоя соль для ванны. Розмарин и мята. Очень люблю этот запах.

Он уже как-то упоминал об этом. После этого она отказалась от других ароматов для ванны. Впрочем, теперь она предпочла промолчать об этом, ограничившись кратким:

- Я тоже.

Кивнув, Макс вновь подхватил ее и аккуратно опустил в воду.

- Я могу сама, – запротестовала Джиллиан. – Я беременна, а не беспомощна.

- Мы так страстно занимались любовью, что теперь я имею право позаботиться о тебе, – откликнулся он.

- Ты слишком раскомандовался.

- А ты слишком независима.

- Если тебе нужна женщина, которая присосется к тебе, как пиявка, тебе придется найти другую.

- Мне не нужна пиявка. Хотя, если ты иногда будешь присасываться ко мне, я буду только рад, – пробормотал он.

- Я думала, такие мужчины, как ты, ненавидят женщин-пиявок, – удивленно проговорила Джиллиан.

- Уж не знаю, откуда у тебя столь глубокие познания по части мужчин, похожих на меня. – Осторожно намазывая ее глицериновым мылом, он слегка нахмурился. – Имей в виду: если ты присосеешься ко мне, я не буду против.

- Будешь.

- Позволь мне самому решать.

- Когда ты раздражаешься, ты начинаешь говорить официальными фразами, ты в курсе?

- Мне уже говорили об этом.
- И хорошо. Тебе стоит знать о том, что может помешать в дипломатических или деловых переговорах.
- Для моей страны это часто одно и то же.
- Наверное, не только для твоей.
- Возможно, ты права. - Он продолжал нежно намыливать ее тело.
- Ты все-таки любишь командовать.
- Уверен, ты легко это выдержишь.
- Ты слишком сильно веришь в меня.
- Разумеется. Не зря я выбрал тебя своей принцессой.
- Для тебя все в мире либо черное, либо белое?
- Я знаю, что должен сделать. Знаю, чего хочу. И знаю, как этого добиться. - Взяв большую пушистую мочалку, он начал нежно растирать ею кожу Джиллиан, не забывая уделить внимание каждому пальчику на руках и ногах.
- А к чему отношусь я: к тому, что ты должен сделать, или к тому, чего ты хочешь? - спросила Джиллиан, не веря до конца, что действительно хочет услышать ответ.
- После того, чем мы занимались еще десять минут назад, ты еще спрашиваешь?
- Считаю, что я так к тебе присасываюсь.

Неожиданно Макс улыбнулся. Взглянув ей в глаза, он улыбнулся:

- Тебя я хочу. И очень сильно.

Что ж, пусть он не любит ее. И все же это не только чувство долга.

* * *

Макс бережно обнимал спящую Джиллиан. Ее лицо во сне было мягким и беззащитным. Казалось, она не скоро проснется.

Солнце взошло полчаса назад. Но, несмотря на насыщенный утренний график, Макс не спешил подниматься с постели.

Ему казалось, что он с трудом избежал катастрофы, хотя сам не понимал, как это ему удалось.

Он не знал, почему Джиллиан все же согласилась выйти за него замуж.

Разумеется, она думала о будущем ребенка. Кроме того, она все еще любила Макса. Но эти две причины не казались ему достаточными для того, чтобы решиться дать согласие на свадьбу, не дожидаясь второго триместра.

Может, все дело в сексе?

Конечно, их сексуальная совместимость поражала, но достаточно ли ее, чтобы заставить Джиллиан отказаться от своего стойкого предубеждения?

Конечно, он был счастлив, что она согласилась выйти за него замуж. И все же ему не нравилось, когда мотивы, движущие другими, оставались скрытыми от него. Было ли дело в его воспитании или в его нынешнем положении, но, так или иначе, ему недостаточно было просто знать факты. Он должен был разобраться в причинах.

Его жизнь представляла собой совокупность тщательно организованных ячеек. Ячейка Джиллиан была уничтожена после того, как он узнал о результатах ее медицинского обследования. Сделав ей предложение, он тем самым создал новую ячейку, которая должна быть абсолютно понятной и надежной.

Пока это было не так.

И все же он был счастлив, что Джиллиан согласилась стать его женой. Она заполнила собой пустоту, о существовании которой он раньше и не подозревал.

Он ощутил эту пустоту лишь в последние месяцы, впервые осознав, что выполнение возложенных на него обязанностей – далеко не все, что нужно ему от жизни.

Невероятный секс, несколько дней задушевного общения – и пустота исчезла. Теперь, воображая, что она может вернуться, он ощущал тоскливую тяжесть в груди.

Он больше никогда не отпустит от себя Джиллиан.

Она считала брачный контракт своей защитой. Для Макса это соглашение было защитой их семьи. Он не хотел повторить судьбу родителей: его брак станет настоящим союзом на всю жизнь.

Макс расслабленно накрыл пальцами ее кисть. Крупный квадратный бриллиант давил на ладонь, даря ему глубокое удовлетворение.

Дорогая безделушка означала, что эта женщина принадлежит ему безраздельно. Но этот знак отличался от тех, что оставили на ее груди и шее его губы во время прошедшей ночи любви.

Желание владеть ею и самому отдаться в ее власть жгло его тело.

Да, он был собственником. Как будущий король, он знал, что такое абсолютная преданность. И ждал ее.

Его изумляло другое: его собственное настойчивое стремление без остатка принадлежать ей. Быть ее женихом, а затем и мужем, отцом ее детей, единственным мужчиной в ее жизни и в ее постели.

- Что за мысли тебя разбудили? – спросила Джиллиан. В ее сонном голосе сплетались желание и любопытство.

- Ты о чем? – переспросил он.

Она заворчалась, и его твердеющий член уперся ей в бедро.

- А ты как думаешь?

- А, ты об этом?

- Да, об этом. - Она засмеялась, и от этого звука его член восстал во всей своей силе.

- О том, что я хочу тебя? Это не новость.

- Не новость. - Ее прекрасные голубые глаза поймали его взгляд. - Но мне это нравится.

- И мне.

- И что мы будем делать? - игриво спросила она.

Теперь пришла его очередь расхохотаться. Не в силах остановиться, он накрыл своими смеющимися губами ее рот. И тут же его накрыло мощной волной желания, которое умела пробудить в нем лишь она одна.

Они занимались любовью долго, страстно и утомительно. Джиллиан была упоительна, и Макс вновь испытал укол счастья оттого, что она согласилась выйти за него замуж.

А потом она уютно устроилась в его объятиях. Раньше ей редко выпадала такая возможность, но теперь с каждым днем он сам все больше жаждал этого.

Увы, он не мог бесконечно предаваться этому удовольствию. Его сегодняшний день был расписан по минутам задолго до вчерашнего вечера: ему и так пришлось отменить телефонную конференцию, назначенную на раннее утро.

В конце концов Макс вылез из постели.

- Мне сегодня еще лететь на Воларус, - произнес он с печалью, масштаб которой ему было трудно признать даже самому себе.

От него не укрылось, что она не сделала ни малейшей попытки удержать его. Да, мужчина, подобный ему, мог лишь порадоваться такой реакции своей любовницы. Впрочем, она, конечно, была гораздо больше чем любовницей. Джиллиан Харрис была женщиной, рядом с которой он мечтал провести всю жизнь.

Она любила его, и все же ее счастье не зависело от его присутствия.

А вдруг ее присутствие окажется для него более необходимым, чем его присутствие для нее? Эта мысль ему не понравилась.

Она уселась в кровати, натянув на грудь простыню и плед. Подобная скромность была явно неуместной. Но ему она на удивление нравилась.

Впрочем, было ли в ней хоть что-то, что он не находил привлекательным? Разве что чрезмерная независимость.

- Тогда тебе пора в душ, - произнесла она, заправляя волосы за уши.

- Вообще-то тебе полагается спросить, когда я улетаю и скоро ли вернусь.

Неужели, подумал он, ей совершенно неинтересны его планы?

- Ты хочешь, чтобы я спорила с твоим графиком? - нахмурилась Джиллиан. - Не проще ли

будет синхронизировать наши планы?

- Ты слишком практична для творческой личности, - с неожиданным раздражением ответил он.

- А чего ты ждал? Я люблю свой смартфон, о чем ты отлично знаешь.

- Да, знаю.

Чем покупать дорогущее кольцо от Тиффани, лучше бы подарить ей смартфон последней модели, подумал он.

- По-моему, ты думаешь о чем-то недостойном. Так что лучше оставь свои мысли при себе, - предупредила Джиллиан.

- Ты считаешь, что можешь читать мои мысли? - ухмыльнулся Макс.

- По крайней мере, сейчас у тебя очень уж выразительное лицо.

- Никто лучше меня не умеет скрывать свои мысли, - с достоинством выпрямился Макс.

По крайней мере, он почти с рождения учился этому.

- Да - когда ты прилагаешь к этому усилия.

- Похоже, с тобой я слишком расслабился.

- Но мы же собираемся пожениться. - Джиллиан нахмурилась, поджав губы. - И я бы расстроилась, если бы рядом со мной ты не чувствовал себя комфортно.

- Действительно. - Он и правда об этом не подумал. - Просто мои родители никогда не делились друг с другом своими чувствами.

- Мы уже решили, что не будем копировать их модель семьи. По крайней мере, в важных вещах.

- А это важно?

- Очень.

Макс кивнул. Значит, Джиллиан ждет, что он будет доверять ей так же, как и Демьяну. К собственному изумлению, Макс понял, что это его вполне устраивает.

- Может, полетишь со мной? Я буду рад.

- Прямо сегодня утром? - неуверенно переспросила она.

- Да.

- Но я загружена до предела. И сегодня, и завтра.

- Ты слишком много работаешь.

- Иначе я не смогу платить по счетам.

- Теперь ты не одна.
- И что? Да, мы теперь помолвлены. И ты предлагаешь мне по этому поводу бросить работу и положиться на твою заботу? - Ее язвительный тон не оставлял сомнений в том, что она думает по этому поводу.
- Бросать не обязательно. Но, может, тебе стоит работать поменьше? Думаю, твой врач со мной согласится.
- Она не возражает против моей работы. Я не занимаюсь тяжелым физическим трудом, так что она считает ее не опасной для беременности.
- Но ты устаеть.
- Не особо. - Впрочем, ее голубые глаза говорили иное.
- Но если ты будешь работать меньше, тебе это не повредит.
- Я не лентяйка.
- Нет, конечно.
- Ты не собираешься требовать, чтобы я уволилась?
- Нет.
- Даже после свадьбы?
- Ты любишь фотографию. Зачем тебе бросать ее?
- И какой же частью работы я должна пожертвовать? - настороженно спросила она.
- Не знаю. Может, той, которая тебе не интересна?

Разговоры с женщинами всегда напоминали ему прогулку по минному полю. Правда, он надеялся, что теперь, когда Джиллиан согласилась стать его женой, они смогут беседовать более откровенно и он не будет ежеминутно ждать взрыва.

- То есть ты не хочешь давать мне конкретных советов?
- Нет.
- Отец вечно смеется над моими книжными обложками. К портретам он чуть терпимее: считает, что в них есть хоть что-то от искусства.
- Я не твой отец. Я не специалист в этой области, но портреты у тебя действительно получаются восхитительные. Хотя обложки мне тоже нравятся.

Макс видел портфолио Джиллиан. Ее портреты действительно были уникальны. Он удивился, увидев, сколь скромное место они занимают среди ее работ. Она объяснила, что, поскольку портрет стоил дорого, она очень тщательно выбирала клиентов. Фотографируя для книжных обложек, она была куда менее разборчивой. Но они давали возможность воплотить в жизнь чужие фантазии. Она считала это еще одной формой искусства, занятия которым доставляли ей не меньше удовольствия.

- Значит, ты хочешь только, чтобы я работала меньше? – осторожно поинтересовалась она.
- Жизнь принцессы несет с собой свои требования. И потом, беременность отнимает много сил.
- Сколько ты пробудешь на Воларусе?
- Две недели. Я должен был улететь несколько дней назад.
- Если бы Демьян не сообщил о нашей маленькой проблеме?
- Я не считаю нашего ребенка проблемой.
- Я не это имела в виду.
- Хорошо.
- Ты слишком обидчив.
- Я вернусь поздно. – Макс направился в ванную. – Ложись спать. Еще очень рано.

Глава 10

- Тиран, – пробормотала Джиллиан.

Она не понимала, почему он так резко закончил разговор. Он отказался говорить о важной поездке, не стал настаивать, чтобы она составила ему компанию, – да и вообще почти не оставил ей возможности ответить, неожиданно прервав разговор.

Он, правда, остался в квартире – но решительно оставил тему, лишь дав ей указание спать.

Давным-давно бабушка научила ее, как нужно строить отношения с мужчиной, если хочешь, чтобы будущее было радостным. Неважно, продлятся ли ваши отношения многие годы или быстро закончатся – для начала следует объяснить партнеру, чего ты от него ждешь.

Их грядущий брак явно подпадал под категорию долгосрочных отношений.

Отбросив одеяло, Джиллиан выбралась из постели, радуясь, что утренняя тошнота, доставившая ей столько страданий, наконец отступила. Протянув было руку к халату, она, подумав, отдернула ее. Она слышала, как в ванной льется вода. Что ж, Макс придется подвинуться. Это будет не слишком удобно, но раньше им это вполне удавалось.

Ванную уже заволакивало паром от горячей воды.

- Тебе придется поделиться, – решительно заявила Джиллиан, отдергивая занавеску ванны.

Макс, резко обернувшись, изумленно посмотрел на нее.

- Ты думал, что стоит приказать мне идти спать – и я тут же послушаюсь? – вызывающе спросила она.

- Тебе нужно отдохнуть.

- Мы не договорили.

- А я думал, договорили.

- Правда?

- Да. - Раздражение в голосе Макса звучало бы более убедительно, если бы он одновременно не обшаривал жадным взглядом ее обнаженное тело.

- Мы занимались любовью дважды за ночь, - продолжала Джиллиан.

- И что?

- Похоже, ты не прочь повторить еще раз.

- Да, не прочь, но сейчас у меня нет времени. - В его голосе явственно сквозило сожаление.

- Не думала, что ты такой ненасытный, - ласково засмеялась Джиллиан.

- Правда не думала?

Действительно, он никогда не скрывал своего жадного восхищения ее телом.

- Но теперь ты ведешь себя примитивнее. Будто хочешь пометить меня как свою собственность.

К ее удивлению, скулы Макса тут же залила краска. Темные глаза смотрели с беспокойством.

- Я был слишком груб?

- Нет, что ты! Немножко пещерной дикости мне тоже нравится.

- Рад это слышать.

Взяв в руки мочалку, Джиллиан стала намыливать Макса гелем для душа.

- Значит, ты хочешь, чтобы я полетела с тобой на Воларус?

- Мать захочет встретиться с тобой.

Когда Джиллиан стала тереть мочалкой его грудь, он тихо застонал от удовольствия.

- Она разозлится?

- Если ты не прилетишь со мной?

- Нет, из-за нашей свадьбы.

- Она одобрила мой выбор десять месяцев назад.

- Ого! - Джиллиан не знала, что его отношение к ней было тогда столь серьезным, чтобы обсуждать ее кандидатуру с матерью.

- Значит, новости о моих медицинских проблемах здорово нарушили твои планы?

- На время.

- Ты невероятный оптимист, - покачала головой Джиллиан.
- Именно такой тебе и нужен.
- Чтобы уравновесить мой так называемый пессимизм? - саркастически спросила она, опустив руку с мочалкой.
- Да, - совершенно серьезно ответил Макс.
- Но я совсем не пессимистка!
- Значит, ты очень убедительно притворяешься.
- Говорят, надежда всегда бесплатна. Но это не так. Если ты надеешься на что-то, но в итоге не получаешь, это больно. Если такое происходит часто, тебе становится все труднее надеяться. - Джиллиан начала не уключе тереть себя мочалкой.

Макс мягко забрал мочалку у нее из рук и, повесив на крючок, нежно притянул Джиллиан к себе:

- Я сделаю все, что в моих силах, чтобы исполнить мечты, которые ты лелеешь в своем сердце.
- Ты очень поэтичен для казака. - Джиллиан чувствовала, как внутри закипают слезы.
- Я не казак.
- Но твои предки были казаками. Их гены все еще дают о себе знать.
- А что, если они передадутся нашему ребенку? - поддразнил ее Макс.
- Ему достанется лучшее от нас обоих, - твердо заявила Джиллиан.
- Что это? В твоих словах, кажется, звучит оптимизм? - Макс в притворном изумлении схватился за сердце.

Джиллиан, хихикнув, чмокнула его в грудь:

- Да!
- Ты прилетишь ко мне на Воларус? - спросил Макс. Его голос звучал напряженно, будто бы только что они не обменивались шуточками и знаками внимания.
- Думаю, да. Только раскидаю дела. Наверное, придется поработать на выходных. Тогда я смогу прилететь в понедельник и остаться до конца недели.
- Что ты раскидаешь?

Джиллиан, обернувшись, посмотрела ему прямо в лицо. Она должна это сказать. Он должен знать, как изменится ее жизнь после того, как она станет его женой.

- Макс, я знаю, что, согласившись выйти за тебя замуж, я тем самым подписываюсь на определенную работу.
- Да, работу принцессы.

- Это большая честь.
- Но ты ее совсем не хотела, – поморщился Макс.
- Не хотела. Но понимала, что, если свяжу свою жизнь с твоей, без этого не обойтись.
- А ты это планировала?
- Ты же знаешь, что да.
- И если бы я сделал тебе предложение десять недель назад, ты бы согласилась?
- Да, конечно. – Она не хотела ему лгать.
- Но когда я позвал тебя замуж четыре дня назад, ты решила отказать мне.
- Ты же знаешь почему.

Макс нахмурился. Казалось, он хотел ответить «нет» и сдержался лишь усилием воли. Джиллиан невольно рассмеялась – скорее мрачно, чем радостно:

- Впрочем, ты не понимаешь, сколько страхов несет с собой любовь.
- Я думал, что пословица права и идеальная любовь изгоняет всякие страхи.
- Но я не идеальна, и моя любовь тоже.
- С этим я не согласен.
- Что? – изумилась Джиллиан.

Макс крепче прижал ее к себе. Омываемые струями горячей воды, их обнаженные тела так естественно и безупречно сливались друг с другом, что у Джиллиан перехватило горло.

- Для меня ты идеальна, – проговорил Макс.
- Потому что ношу твоего ребенка.
- Отчасти из-за этого. Но ведь это – лишь проявление нашей идеальной совместимости. Ни от кого другого ты не смогла бы забеременеть после единственной ночи, когда мы не предохранялись.
- Гордишься своими способностями?
- Нет. Дело не в способностях, а в том, что мы идеально подходим друг другу. – Его темно-кофейные глаза смотрели серьезно и искренне.

Его слова о чувствах тронули ее душу, бальзамом пролившись на рану, которая, как она думала, уже никогда не перестанет болеть. Теперь боль ушла.

Это была не любовь. Но что-то значительное.

Джиллиан спрятала лицо на груди Макса, но он не дал ей отвести взгляд. Приподняв ее подбородок, он нежно приник к ее губам.

Нежность сменилась настойчивостью. Страсть охватила ее тело, она задышалась. Оба они тяжело дышали, их тела были горячее, чем окутавшие их клубы пара. Поцелуй стал настойчивее, его язык, казалось, достал до самого горла.

- Я думала, у нас нет времени, - выдохнула Джиллиан.

- Я уже пропустил одну встречу. - Его рука опустилась к ее бедрам, пальцы гладили скользкую кожу между ними. - Мой самолет подождет.

Она не спорила, понимая: он заставляет ждать не только пилота. Эта мысль поразила ее. Осознание того, что Макс может пожертвовать своими обязанностями ради нее, заставляло верить в него сильнее, чем удовольствие, которое они умели доставить друг другу.

Ей необходимо было дать ему почувствовать, сколь много это значит для него. И она решилась на то, чего раньше ни разу не делала. Опустившись на колени, она потянулась лицом к его бедрам. Его член, окруженный мокрыми жесткими волосами, тяжелел, увеличиваясь в размерах. Застонав, Макс подался вперед бедрами, словно требуя большей близости. Он был ненасытен, и Джиллиан это радовало. Очень, очень радовало.

Это была не любовь. Но за это все равно стоило бороться.

Она тщательно облизала его член сверху донизу. Он откликнулся низким стоном:

- Что ты делаешь?

- Если ты спрашиваешь, значит, я делаю это неправильно.

- Но обычно ты этого не делаешь.

Это была правда. Она никогда не предлагала ему оральный секс, а он не просил о нем.

- Не потому, что не хотела.

- А почему?

- Не знаю. - Она подняла глаза, словно пытаясь осознать нечто новое, о чем не догадывалась еще сутки назад.

- Ты никогда этого не делала, - с каким-то благоговейным страхом проговорил он.

Джиллиан покачала головой. Сейчас ей безумно хотелось сделать это - и для него, и для себя. Она всегда хотела этого, но не решалась - ведь в сексе он был куда опытнее ее.

Она не просто хотела попробовать нечто новое. Она стремилась доставить ему не изведенное им ранее удовольствие.

Еще вчера она бы на это не решилась. Но сегодня принц Максим из династии Юрковичей отложил все свои дела ради страсти к ней, Джиллиан Харрис.

Раньше он никогда не отменял их свидания, но и не откладывал свои дела. Ради нее он отказывался отодвинуть назначенную встречу даже на пять минут, не говоря уже о том, чтобы полностью перекроить свой график. А сегодня он уже пропустил одну встречу и задержал свой отъезд в аэропорт. Это наполняло Джиллиан озорной радостью. Она осторожно целовала головку его члена, скользя губами по мокрой коже. Это было приятнее, чем она думала, и она

страстно застонала. Он подвинул член к ее губам:

- Возьми в рот. Пожалуйста.

- Да. - Взяв в рот головку, она задумалась, куда же вместить остальное. Размер у него был весьма впечатляющим.

Впрочем, Джиллиан не расстроилась. Она тщательно ласкала языком головку. Макс самозабвенно стонал: кажется, его не волновало, что она не может продемонстрировать «глубокую глотку» в стиле порнозвезды. Откинувшись к стене, он дрожал в экстазе:

- Как хорошо!

Джиллиан стала посасывать головку, одновременно обхватив член двумя руками и двигая ими вверх и вниз. Он вскрикнул, резко двинув бедра вперед, словно был не в силах контролировать свои движения. Его член глубже вошел ей в горло, но, придерживав его рукой, она помешала ему проникнуть дальше, чем она могла выдержать.

- Прости, - простонал он, пытаясь удержаться от резких движений.

Она с радостью видела, что он потерял контроль над собой. Значит, и она временами может быть сильной стороной. Она двигала рукой и ртом все быстрее и быстрее, поражаясь, насколько ее саму возбуждал этот процесс.

Джиллиан хотелось бы довести Максима до экстаза губами. Но сама она уже изнывала от желания ощутить его в себе. Она не могла остановиться, чтобы сказать ему об этом, не хотела отрывать губ от его члена. Это было очень чувственно! Ощущать себя в его власти и в то же время чувствовать столь прочную эмоциональную связь, которая, казалось, протянулась как электрическая дуга.

Обхватив руками ее голову, он вдруг потянул ее назад. Она, нахмурившись, подняла глаза. Его зрачки были как булавочные головки, лицо потемнело от страсти.

- Я сейчас кончу, - прохрипел он.

- Я хочу этого.

- Нет, не хочешь, - почти простонал он.

- Мне нравится твой вкус.

- Я слышал, что сперма не такая сладкая, как та жидкость, что появляется раньше.

- Правда? - Возбуждение медленно оставляло ее.

Он принужденно засмеялся:

- Не ревнуй. Ни одна женщина не делала со мной того, что делаешь ты. И никогда не сделает.

Она поверила ему. После того как он отложил свой вылет, она верила ему.

Он потянул ее вверх. Она медленно поднялась с колен.

- Я хочу в тебя.

- Ты... - Ее голос сорвался. Она так страстно жаждала этого. - Да!

Он уверенно, по-хозяйски поцеловал ее. Она ответила на поцелуй, словно налагая на него свое собственное тавро, давая понять, что он тоже принадлежит ей.

Джиллиан не помнила, кто из них первым прервал поцелуй и каким образом она в конце концов оказалась стоящей, уткнувшись лицом в стену ванной, с широко расставленными ногами. Соски ее болезненно ныли во влажном воздухе, все ее тело дрожало от нетерпеливого желания. Макс прижимался к ней всем телом, его напряженный член упирался ей в бедро.

- Впусти меня, *serdenko*, откройся для меня...

- Да! - Она откинула голову назад, к его плечу. Где-то на периферии сознания мелькнула мысль о том, чтобы позже спросить у него, что значит слово *serdenko*.

Его член толчком проскользнул в нее. Она с наслаждением ощущала каждое его движение. К тому же под этим углом он идеально стимулировал ее точку G, и каждый нерв в ее теле трепетал от экстаза.

Одной рукой он обнял ее бедра, поглаживая пальцем клитор, другая рука гладила ее груди. От его ласк ее тело вибрировало на грани экстаза, разум отключался, в голове не осталось ни одной мысли. Она с радостью отдавала свое тело в его безраздельное владение. Их тела омывали струи воды. Макс двигал бедрами быстро и сильно, раз за разом толкаясь прямо в самую чувствительную точку ее влагалища, а ласки клитора окутывали ее волнами блаженства.

Экстаз растекался жаром по ее телу, она дрожала и изгибалась, руки, упирившиеся в скользкую стену, уже не так крепко обхватывали ее тело, удерживаемое лишь могучей силой казачьего тела Макса.

А затем мир перед ее глазами словно взорвался, расцветившись неземным блеском, похожим на северное сияние. Ее влагалище ритмично сжималось вокруг его члена, матка трепетала, воздух вырывался из легких резкими толчками. Ее крикам экстаза вторило дикое рычание Макса, тоже достигшего оргазма. Его тело дрожало в конвульсиях, их голоса сливались в едином крещендо экстаза.

Мало-помалу страсть утихала, сменившись легкой дрожью и всепоглощающим чувством удовлетворения. Джиллиан покрывала легкими поцелуями шею, щеки и голову Макса. Наконец она приникла губами к его рту, вложив в поцелуй всю свою любовь, окутавшую их, точно пуховое одеяло.

Омывшись едва теплой водой, они принялись вытирать друг друга, время от времени обмениваясь поцелуями.

- Что значит *serdenko*? - спросила она.

Макс на секунду замер. Затем, склонившись, поцеловал ее в щеку:

- Сердце. Это значит сердце.

Теперь настала ее очередь замереть.

- Почему сердце? - наконец спросила она.

- Ты - сердце нашей пары.

Это не были слова любви, которых Джиллиан так жаждала, но это было гораздо, гораздо больше, чем она надеялась. Она опустила голову, чтобы он не увидел, как увлажнились ее глаза.

Но он знал. Он все о ней знал.

Сдернув с нее полотенце, он вновь заключил ее в объятия:

- Джиллиан, у нас все будет хорошо. Верь мне.

- Верю. - Впервые с детских лет она не пыталась усмирить надежду, бурлившую в душе, точно пузырящееся шампанское.

Глава 11

Следующие четыре дня прошли в хлопотах: Джиллиан старалась освободить график, чтобы улететь на Воларус.

Макс звонил ей по видеосвязи дважды в день - утром и перед сном.

Между звонками он по-прежнему слал ей многочисленные эсэмэски. Трижды в день ей доставляли горячую еду, а в перерывах - легкие закуски. Иногда курьер приезжал к ней домой, иногда - в студию, а временами - и в другие, неожиданные места. Она понимала: Макс распорядился всем так, чтобы она в любом случае не осталась голодной.

Он заботился о ней, и ей это нравилось. Очень нравилось.

На Воларус Джиллиан должна была отправиться на присланном им частном самолете, оборудованном всем необходимым для удобства пассажирки.

Но когда она поднялась на борт, оказалось, что она не одна.

Джиллиан лишь несколько раз встречалась с женщиной, сидевшей в пассажирском кресле. Но понять, кто это, было несложно. Быть может, королева Оксана была не самой знаменитой из коронованных женщин мира, но ее фотографии все же временами появлялись в журналах и газетах, так что Джиллиан в любом случае поняла бы, кто перед ней.

- Добрый вечер, мисс Харрис.

Джиллиан мгновенно оценила уроки, полученные на светских раутах, которые она посещала вместе с отцом. Она присела в реверансе:

- Ваше величество.

Королева грациозно поднялась с кресла:

- Зовите меня Оксаной. Насколько я знаю, вы скоро станете моей дочерью.

Королева говорила совершенно бесстрастно, и Джиллиан не могла понять, как она относится к подобной перспективе. Черт возьми, где же Макс?

Она не верила, что эта интимная встреча была его идеей. Значит, идея королевы. О боже.

- Вы беременны от моего сына.

- Он сообщил вам? - Волна адреналина, охватившая ее в первую секунду, схлынула, и на нее навалилась невыносимая усталость. Казалось, лихорадочная работа последних дней выжала из нее последние соки. Она ощущала себя бесконечно измученной, душевно и физически. Вздохнув, она опустила сумку на сиденье. - Сообщил, конечно.

- Нет, не он.

- Демьян?

- Да.

- Но почему?

- Потому что, в отличие от моего сына, он считал, что я имею право знать, почему мой сын настаивает на тайной свадьбе и большом государственном приеме после нее. - Королева едва заметным жестом указала на одно из светлых кожаных кресел, приглашая Джиллиан занять его. Зная, что самолет вот-вот поднимется в воздух, Джиллиан, сев, тут же пристегнула ремень.

- Простите, но я спрашивала о том, почему Макс ничего не сказал вам?

Королева едва заметно подняла идеально выщипанные брови:

- Он не хотел, чтобы я считала, будто вы обманом завлекли его в ловушку, чтобы выйти замуж.

- Значит, так он пытался защитить меня? - Что ж, это характерно для Макса. Впрочем, Джиллиан предпочла бы, чтобы в этот раз он действовал иначе и сам поговорил со своей матерью. - Но вы бы все равно узнали.

Королева, кивнув, опустилась на свое кресло.

- Конечно. Если бы он мыслил с обычной для него ясностью, он бы прекрасно понимал это.

- По-моему, он мыслит, как всегда, четко.

- Вы уверены?

- Да. - Тело Джиллиан охватил жар. Она почувствовала, как подступает тошнота, с которой, как она надеялась, было покончено.

Королева стремительно подошла к ней, положив руку ей на лоб:

- Вам нехорошо? Вас тошнит?

Сглотнув, Джиллиан кивнула. Через несколько мгновений перед ней, как по волшебству, появились стакан минеральной воды и несколько крекеров. Королева вернулась на свое кресло, тщательно пристегнувшись. Пилот запустил двигатели. Джиллиан откусила печенье и сделала несколько глотков воды, пытаясь успокоить сердцебиение, пока самолет, ускоряясь, бежал по взлетной полосе. Что это с ней? Обычно она испытывала нечто подобное лишь в присутствии собственной матери. Оказывается, общество королевы вызывает у нее ту же реакцию.

Королева тихо сказала несколько слов стюарду, и тот скрылся в конце салона. Ее глаза, так похожие на глаза ее сына, невозмутимо изучали Джиллиан. По крайней мере, королева казалась невозмутимой, но Джиллиан догадывалась, что под личной королевской невозмутимостью бушует шквал эмоций.

- Вам лучше? - поинтересовалась королева.

- Да. Как вы узнали, что мне нехорошо? - спросила Джиллиан, ведь королева сидела в кресле и даже не смотрела на нее!

- У вас очень выразительное лицо.

Значит, то, что ее вот-вот вырвет, было написано у нее на лице? Как мило.

- Я понимаю.

- Вам предстоит над этим работать.

Придется - по крайней мере, если она собирается остаться с Максом. И разумеется, королевой. Оксана явно не нуждалась в ее согласии. Джиллиан сделала еще глоток воды, готовясь провести ближайшие несколько часов в обществе королевы Воларуса. При этой мысли желудок Джиллиан угрожающе заурчал, и ей пришлось успокоить его очередным глотком минералки.

Она готова была убить Макса. С его блестящим макиавеллиевским умом он должен был догадаться о том, что замышляет королева, и предотвратить ее появление!

- Не уверена в том, что означает выражение вашего лица, но мне кажется, оно изобличает некоторые затруднения.

- Возможно, вы правы.

- Вас смутило мое появление.

- Да. - Не было смысла отпираться. Тот факт, что Джиллиан чуть не потеряла сознание, говорил сам за себя.

- Максим по праву своего рождения облечен обязанностями, всю тяжесть которых могут постичь немногие. Тем более им соответствовать.

Джиллиан кивнула, не очень понимая, к чему клонит королева.

- Я знаю об этом, - ответила она. - У него очень сильно развито чувство долга.

- Некоторые говорят, что слишком сильно.

- Вряд ли вы сами так считаете.

- Я уже не та наивная идеалистка, какой была, когда только взошла на престол. С годами я поняла, что счастье моего сына не менее важно, чем выполнение им своего долга перед страной.

Джиллиан не смогла сдержать удивленного возгласа. Королева скупно улыбнулась:

- Я знаю, и Макс, и его отец сочли бы эту мысль чуть ли не изменнической.

- Но... - Джиллиан умолкла, поняв, что не хочет расспрашивать королеву о том, что заставило ее в какой-то момент предпочесть счастье долгу.

Да, ее жизнь проходит на глазах у толпы. Но она не обязана раскрывать каждому свою душу.

- Я хотела бы задать вам вопрос, - продолжала королева. - И я была бы очень благодарна вам за честный ответ. Хотя с вашей экспрессивностью вам вряд ли удастся скрыть правду, - ласково проговорила она удовлетворенно.

- Конечно. - Джиллиан сделала еще один глоток воды. Тошнота не отступала.

Королева довольно кивнула:

- Скажите, вы забеременели специально, чтобы заставить моего сына жениться на вас?

Джиллиан закашлялась, поперхнувшись очередным глотком минералки - или королевским вопросом? Оксана нажала кнопку, и в салоне мгновенно материализовался стюард с льняной салфеткой и еще одним стаканом воды. Ловко проделав все необходимое, он удалился, унося мокрую салфетку и полупустой стакан.

- Мой вопрос шокировал вас. И расстроил. - На лице Оксаны отразилось легкое сожаление.

Сделав несколько глубоких вдохов, Джиллиан хмуро посмотрела на королеву, яростно сверкая глазами.

- Использование сарказма в дипломатической беседе может привести к непредсказуемым последствиям, - проговорила королева.

- Как и неуместные вопросы.

- Туше.

- Я не искательница богатства.

- Многих людей власть привлекает сильнее денег.

- В Максе меня привлекает только одно - он сам, - искренне проговорила Джиллиан.

Глаза королевы едва заметно расширились от удивления.

- Демьян утверждает, что вы не сообщили Максиму о своей беременности.

- Демьяну стоит завести новое хобби, помимо слежки за мной.

Губы королевы изогнулись в едва заметной улыбке, в ее темных глазах заплясали искры.

- Он шпионил не за вами лично.

Джиллиан взглянула на Оксану. Она не желала оказаться втянутой в словесную баталию без особой надежды выйти победительницей.

Ее опыт общения с богатыми и знаменитыми научил ее: сила - в молчании.

Королева кивнула. Казалось, Джиллиан подтвердила какие-то ее тайные мысли, хотя обе они

не произнесли ни слова.

- Почему же вы сразу не рассказали моему сыну о своей беременности?

- Мне показалось, что с этим лучше подождать.

- Зачем? Или вы полагали, что чем больше будет срок беременности, тем сильнее мой сын захочет признать свое отцовство и назвать ребенка наследником дома Юрковичей?

- Нет.

Неужели королева считала ее эгоисткой, способной так жестоко манипулировать чужими чувствами?

Джиллиан вдруг охватила тоска. Она была полна надежд – и вот сомнения и явное неодобрение королевы вновь заставили ее усомниться в том, что их брак основан на любви, а не на необходимости.

Она вновь и вновь твердила себе: пусть он не любит ее, и все же их связывает нечто особенное. Но долго ли они будут вместе, если королева не одобряет их и полна решимости разорвать ее отношения с будущим королем?

Изо всех сил стараясь скрыть свои чувства, Джиллиан проговорила:

- Одиннадцать недель назад ваш сын бросил меня, потому что медицинское обследование показало, что у меня есть проблемы с фаллопиевыми трубами.

- Максим не говорил мне об этом. – Лицо королевы по-прежнему оставалось невозмутимым.

- Но вы знали об этом.

- Конечно. Демьян приобрел свои привычки не у чужих людей.

- Это шутка? – Джиллиан она казалась совсем не смешной.

- Возможно. – Губы королевы вновь изогнулись в полуулыбке.

Джиллиан замолчала. Но королева не собиралась прерывать разговор:

- И все же мне хотелось бы понять, почему вы не сообщили моему сыну о своем состоянии.

- Не о состоянии, а о ребенке.

- Простите. Я не хотела вас обидеть.

Не хотела? Неужели? Джиллиан покачала головой:

- Вы прекрасно нашли бы общий язык с моей матерью.

- Думаю, в этом вы ошибаетесь. – В глазах королевы на мгновение мелькнула неприязнь. Оксана явно не испытывала симпатий к южноафриканской феминистке.

- Здесь я готова вам поверить.

- Я действительно не намеревалась задеть вас.

- Мне трудно в это поверить. Меня убедили, что в искусстве дипломатии вы не уступаете своему сыну.

- Возможно, не только моему сыну последние события причинили беспокойство.

Что ж, теперь Джиллиан отлично понимала, как относится королева к ней и ее ребенку – они причиняли беспокойство.

- Я не сказала Максу о ребенке, поскольку мои проблемы с фаллопиевыми трубами никуда не делись. Если у меня случится выкидыш, мы окажемся в той же точке, что и десять недель назад. – Эти слова вновь напомнили Джиллиан о том, о чем она стремилась забыть ради свадьбы с Максом. – Я опять окажусь неподходящей кандидатурой на роль принцессы.

- Максим – вечный оптимист. Наверное, он решил игнорировать эту возможность?

- Да.

Королева, казалось, слегка оттаяла:

- Почему вы так боялись за свою беременность?

- Выкидыши случаются чаще, чем принято думать. А стресс еще увеличивает риск.

- Стресс от расставания с любимым человеком был для вас очень силен.

Королева была права, хотя Макс Джиллиан об этом не говорила. Она кивнула.

- Вы считали себя неполноценной и боялись, что из-за переживаний потеряете этого чудом зачатого ребенка.

Джиллиан не знала, как королева додумалась до этого. Но это было правдой. Она вновь кивнула.

- Макс об этом не подозревал?

- Разумеется. Он не знает, каково это – чувствовать себя неполноценной.

- Спасибо.

Джиллиан увидела, что королева улыбается.

- Моя бабушка считала бы, что вы отлично воспитали его, – проговорила она.

- Ваша бабушка – весьма колоритный персонаж.

- Вы правы.

Действительно, бабушка добавит красок в жизнь королевской семьи Воларуса.

- Но надо сказать, я отлично понимаю вас. Я знаю, каково это – ощущать себя неполноценной. – Глаза королевы потемнели, в них отразилась печаль. – После рождения Максима я потеряла троих детей.

- Мне очень жаль, – вздохнула Джиллиан.

- Спасибо вам. Бывает боль, от которой невозможно избавиться.

А ведь королевская чета поженилась лишь ради рождения наследников! Наверное, от этого трагедия стала для них еще горше.

Королева задумчиво смотрела в просторное окно салона на стремительно темнеющее небо.

- Я была бы счастлива завести целую кучу детишек.

Эти слова, произнесенные королевой, привыкшей держать чувства в узде, поразили Джиллиан. Оксана подняла взгляд, ее темные глаза встретились с глазами молодой женщины.

- Наверное, вам трудно это представить.

Ей очень хотелось солгать, но это стало бы неуважением к королеве.

- Да, очень трудно.

- Выкидыши и крушение нашей семьи, которая существует лишь на бумаге, заставили меня по-иному взглянуть на мир. Но одно осталось неизменным – моя мечта о детях. Поэтому я всегда привечала Демьяна.

- Макс считает, что вы замечательная мать.

Наверняка Демьян думал точно так же. И она многому научила его.

- Рада это слышать. Увы, как мне кажется, воспитывая Макса, я слишком много говорила о долге и слишком сильно предостерегала его от любви.

- Значит, вы понимаете, что Макс женится на мне не по любви, а от чувства долга. – Непрошенные слезы вновь навернулись на глаза Джиллиан. Неудивительно, что королева жалеет о том, что ее воспитание сделало возможным то, что произошло. – Я это тоже понимаю.

Как бы истово Джиллиан ни верила в обратное, это было так.

- Значит, вы не верите, что он женился бы на вас, если бы не ребенок?

- Нет, не женился бы. – Она же рассказала, что Макс бросил ее одиннадцать недель назад. Неужели королева пропустила это мимо ушей?

- Для человека, которым движет лишь чувство долга, он уделяет вам слишком много внимания. По крайней мере, в те дни, что он провел на Воларусе.

- Он очень ответственный. А теперь он чувствует, что отвечает еще и за меня.

Какой же душой она была, думая, что за его заботой кроется что-то еще!

Если не любовь, то хоть что-то.

Это правда.

- Надеюсь, вы не считаете, что мой сын не беспокоится о вас.

Джиллиан чуть не фыркнула в ответ. Разумеется, не считает. Конечно, Макс беспокоится о ней

- ведь она вынашивает его ребенка!
- Ваш сын не любит меня. Он ясно дал мне это понять.
- Неужели? - На лице королевы появилось почти виноватое выражение. - Он объяснил почему?
- А вы можете объяснить, почему люди любят друг друга? - Джиллиан пыталась остаться невозмутимой, но безуспешно: ее голос дрожал от сдерживаемых слез.
- Он боится любить. Так я воспитала его.

Что ж, взгляды матери, безусловно, повлияли на Макса. Но ведь главная проблема была в том, что он чувствует, а не в том, как он относится к этим чувствам.

- Да, он не верит в любовь. Но если бы любил меня, он бы признался в этом.
- Похоже, вы недооцениваете его силу воли.

Джиллиан пожала плечами. У нее не было сил, чтобы спорить с королевой по поводу чувств. К тому же она понимала, что той хотелось обсудить с ней куда более важные вещи.

- Ваше величество, я вас не понимаю. Вы что, хотите откупиться от меня?
- Я все-таки настаиваю, чтобы вы называли меня по имени. Нам все же предстоит породниться. - На какое-то мгновение в безупречных чертах королевы отразился страх. - Что же касается вашего вопроса - нет, я не планирую ничего подобного.
- И все же вы считаете, что я обманом заставляю вашего сына жениться на мне.
- Я так не считаю.
- Но... - Джиллиан вдруг замолчала, не в силах произнести ни слова.

Что это значит? Королева... Оксана только что озвучила мысль, с которой Джиллиан в глубине души была абсолютно согласна. Да, Макс настоял на браке - но им двигало лишь чувство долга и забота о будущем наследнике. Глупо было с этим спорить. Они оба попали в ловушку. Вина за это камнем лежала на сердце Джиллиан. И все же, хоть она и не пыталась сознательно заманить его в эту западню, в глубине души она была счастлива.

- Я хочу, чтобы вы вышли замуж за моего сына, - решительно проговорила королева.
- Простите, но мне трудно в это поверить.
- Еще раз прошу прощения. Обычно я не позволяю себе так глупо высказывать свои желания.

Вот в это Джиллиан поверила сразу.

- Признаюсь, мне неприятно было думать, что вы хитростью заставили Максима жениться.
- Как вы заставили его отца.

К ее удивлению, королева не выказала ни капли гнева, лишь сокрушенно покачав головой:

- Мы с Федиром не обманывали друг друга. Ему нужна была моя matka, а мне - он.

- Макс думает, что вы просто хотели стать королевой.
- Максим видит в родителях лишь самое лучшее. Так обычно бывает с детьми.
- В этом вы правы.
- Федир всегда любил ту женщину, даже после рождения Максима. Наверное, мне следовало бы радоваться, что она не зачала, но я не вижу в этом ничего хорошего. Федир всю жизнь хотел еще детей.
- Я думала, что графиня бесплодна.
- Она никогда не обращалась к врачам. Федир не мог жениться на ней до смерти своего отца лишь потому, что она была разведена.
- А потом - потому, что вы стали его женой.
- Он не хотел разрушать наш брак. Отказался, даже когда я предложила ему.
- Он неправильно толковал свой долг перед страной. Как и Макс.
- В них обоих чувство долга очень сильно. Слишком сильно. Но неправильным я бы его не назвала.
- Вы чувствуете так же, как они. Вы же остались с ним.
- Конечно. Мой сын однажды станет королем. Ему понадобятся мои наставления. А ведь есть еще Демьян. Родители бросили его ради собственных амбиций. Я нужна ему не меньше, чем Максу.
- Значит, для вас главное - дети.
- Разумеется.
- В этом я с вами согласна.
- Поэтому вы хотите выйти замуж за Максима?
- Да.
- Вы любите его.
- Всей душой.
- И поэтому вам так трудно? В ваших прекрасных голубых глазах я вижу боль и страдание.
- Он никогда не полюбит меня. - Эти слова, как тяжкий камень, придавили душу Джиллиан. - Это чувство не вырастает из ничего.
- У вас будут ребенок, общие интересы, совместный опыт... Разве это ничего?
- У вас с королем Федиром все это было. Но он так и не полюбил вас.
- Его сердце уже было занято.

- Это не главное.

- Вы так думаете? Не уверена, но полагаю, вы правы. Но тогда... ночами, когда мы пытались зачать ребенка... он выкрикивал ее имя.

Казалось, это интимное признание королева сделала неожиданно для себя.

- О боже... Если бы Макс сделал нечто подобное, вряд ли ему удалось бы сбежать из кровати без серьезных травм.

- И правильно, - рассмеялась королева. - Может, хороший пинок и Федира привел бы в чувство.

- Может, и так.

- Я думаю, вы ошибаетесь.

- В чем?

- По поводу чувств моего сына к вам.

- Это не так. - Джиллиан всем сердцем мечтала об этом. Но, увы, она знала правду.

Над Балтикой стемнело. Впервые Воларус предстал перед ней множеством огней, рассыпанных в непроглядной черноте ночи.

Джиллиан уже знала, что Воларус представляет собой целый архипелаг. Большинство граждан этого маленького государства обитают на главном острове. На мелких же островках, малонаселенных и по большей части бесплодных, работают шахты по добыче редких минералов, высоко ценящихся на мировом рынке.

Кроме того, главный остров мог похвастаться весьма внушительной горой, вершина которой была покрыта вечными льдами, а у подножия раскинулась столица Воларуса в окружении ферм, славившихся количеством и качеством своей продукции. Хотя теплый сезон на Воларусе был не слишком продолжителен, остров славился солнечной погодой, помогавшей фермерам выращивать завидные урожаи.

* * *

Джиллиан стояла на верхней ступеньке трапа.

На землю уже упала ночь, и темнота была совершенно непроглядной. Как на ее родной Аляске. Видны были лишь огоньки, обозначившие посадочную полосу, за ними простиралась чернильная тьма.

У трапа их ждали три автомобиля - два джипа с огромными неулыбчивыми охранниками и шикарный длинный лимузин с двумя флажками Воларуса на крыше. Шофер ждал пассажиров у распахнутой задней двери.

Джиллиан спустилась по трапу вслед за королевой. И тут на взлетной полосе показался серебристый спортивный «мерседес» - такой же, только черный, Макс водил в Сиэтле. Взвизгнув шинами, машина затормозила неподалеку от самолета.

- О боже, - проговорила королева. - Кажется, Макс узнал, что я решила составить вам компанию в полете.

Джиллиан не успела ответить: водительская дверь «мерседеса» распахнулась, и Макс, выскочив из машины, бегом бросился к ней. Поглощенный одной лишь Джиллиан, он, однако, предпочел не услышать приветствия матери.

К удивлению Джиллиан, королева лишь улыбнулась, увидев, как Макс порывисто сжал невесту в объятиях и приник к ней в долгом поцелуе. Она с энтузиазмом ответила ему. Теперь, когда она наконец оказалась в объятиях любимого, все волнения о будущем рассеялись, как по волшебству.

Наконец Макс оторвался от ее губ и, продолжая обнимать, посмотрел ей в глаза с необычным волнением:

- Как прошел полет?

- Отлично.

- Я не знал, что тебе составят компанию. - Присутствие матери он все еще игнорировал.

- Я тоже.

- Все было в порядке? Она не?... - Макс бросил на мать взгляд, подобного которому Джиллиан не хотела бы ощутить на себе никогда в жизни. - Она не пыталась отговорить тебя выйти за меня?

Было ясно: если Оксана и впрямь пыталась сделать нечто подобное, сын навсегда порвет с ней отношения.

- Нет, конечно, Макс! Я всего лишь хотела поближе узнать эту милую женщину, на которой ты собираешься жениться.

Действительно, часть пути они болтали, как две подружки. Под конец королева уговорила Джиллиан немного вздремнуть и разбудила ее как раз вовремя, чтобы Джиллиан могла причесаться и почистить зубы до посадки и быть в форме при встрече с Максом.

- Если она чем-нибудь обидела тебя... - Снова тот же убийственный взгляд. Джиллиан стало обидно за королеву: она ведь хотела сыну счастья!

- Макс, она хочет, чтобы ты был счастлив.

- Я буду счастлив жениться на тебе.

- И стать отцом, конечно, - спокойно проговорила Оксана.

Макс вздрогнул, будто не ожидал, что мать узнает правду от кого-нибудь, кроме него. Неужели он рассчитывал, что Демьян скроет от королевы столь важный факт?

Оксана была права. Макс явно мыслил не так ясно, как обычно.

- Все в порядке, - покачала головой Джиллиан. - Твоя мать рада, что у нас будет ребенок.

Макс внимательно посмотрел в лицо Джиллиан, словно подозревая, что она что-то недоговаривает. Затем он столь же пристально взглянул в глаза королевы.

- Как ты можешь сомневаться? - нахмурилась та.

Не ответив матери, принц вновь повернулся к Джиллиан:

- Она тебя не обидела?

- Я, конечно, удивилась, увидев ее в самолете, - призналась Джиллиан.

- Но ты не расстроилась? - озабоченно спросил Макс.

- Нет, - чистосердечно ответила она.

- Хорошо.

- Максим, в самом деле! - с болью в голосе воскликнула Оксана. - Теперь Джиллиан будет считать меня монстром!

Макс вздохнул и с виноватым видом повернулся к матери, продолжая, однако, прикрывать собой Джиллиан, словно защищая ее.

- Не будет, не бойся.

Королева тихо засмеялась:

- А я-то боялась, что уничтожила в тебе способность любить.

Макс напрягся:

- Любовь - это...

Но Оксана не дала ему закончить фразу:

- Любовь - это огромное счастье, если любящий бескорыстен.

Максим хотел что-то сказать, но королева покачала головой:

- Боюсь, глядя на нас с отцом, ты видел лишь эгоистичную любовь. Возможно, если бы ты пообщался с графиней, ты бы узнал, сколько самоотречения может быть в этом чувстве.

- Как ты можешь говорить, что эта женщина...

Оксана, подняв руку, вновь призвала сына замолчать:

- Она - не «эта женщина». Она - истинная женщина, женщина, которая подарила твоему отцу любовь, не связывая его обязательствами. А он эгоистично принял ее.

- Мама...

- Пойдем. Здесь не место обсуждать нашу разрушенную семью.

Джиллиан с удивлением смотрела на мать и сына, только сейчас осознавших то, что могли бы понять гораздо раньше. Да, этот вечер был полон сюрпризов.

- Наша семья не разрушена, - упрямо проговорил Макс.

Королева в ответ лишь загадочно улыбнулась, направившись к лимузину:

- Пойдем, Максим. Иван отгонит твою машину во дворец.

- Но я хотел...

- Джиллиан слишком устала для ночных экскурсий по столице. Пойдемте, Джиллиан. Берите моего сына и едем, - повелительно проговорила королева.

Джиллиан почувствовала, что не может послушаться этого тона. К счастью, Макс тоже понял, что спор здесь неуместен.

Вскоре они уже ехали в лимузине во дворец. В салоне было достаточно просторно, и все же Макс всю дорогу прижимал Джиллиан к себе, почти усадив ее к себе на колени. Она ничуть не возражала. Его близость, его прикосновения помогли изгнать остатки отчаяния, охватившего ее в самолете.

Джиллиан положила голову ему на грудь, уютно устроившись в его объятиях. Она и не думала, что сможет столь свободно выражать свои чувства на глазах у его матери, преисполненной истинно королевского достоинства.

- Максим, я очень недовольна, - произнесла королева после долгого молчания.

- Мне грустно слышать об этом, мама, но я все равно женюсь на Джиллиан.

- Конечно, женишься. Она - мать твоего ребенка.

- Она - *serce moje*, - убежденно проговорил он.

- Очень хорошо, что она - твое сердце. Но ты не понимаешь другого: она наполняет твое сердце. Я поняла это по тому, как она реагировала на мое присутствие в самолете.

- Мама, - предостерегающе произнес Макс.

Джиллиан не понимала, к чему клонит королева, страшась лишь того, что Оксана вновь жестоко ранит ее душу.

- Ничего. - Оксана, скрестив руки на груди, упрямо смотрела на них своими темными глазами. - Джиллиан, вы сказали мне, что любите моего сына.

- Да, - выдавила Джиллиан.

Она не скрывала своих чувств, и то, что королева вытащила их на общее обозрение, не должно было по идее задеть ее. И все же, сама не понимая почему, она почувствовала неприятный укол.

Оксана кивнула, будто не ожидая ничего другого.

- Достаточно? - настойчиво спросила она.

- Да. - Джиллиан даже не сочла нужным поинтересоваться, что именно имела в виду королева.

Она любила его достаточно, чтобы не отправиться к нему с новостью о своей беременности, не покушаясь на его свободу. Достаточно, чтобы считать его счастье важнее собственного. Максим не понимал, насколько велика мощь любви. Но Джиллиан прекрасно осознавала, сколь

сокрушительной силой наполняет ее это чувство.

- Достаточно для того, чтобы дать ему свободу после того, как родится ребенок и пройдет достаточный с точки зрения приличия срок?

- Да, - не колеблясь, ответила Джиллиан.

- Нет! - в ту же секунду рявкнул Макс.

В его возгласе смешались неколебимая убежденность и отчаяние. На секунду Джиллиан показалось, что он сомневается в ее чувствах.

Макс посмотрел на нее, в его глазах читалось страдание.

- Ты не оставишь меня.

- Джиллиан считает, что, если уж ты не любишь ее, тебе будет лучше без нее, - произнесла Оксана, сочувственно глядя на сына.

- Нет, - хрипло выдохнул Макс.

- Да. - Джиллиан с болью далось это слово. Но сила ее любви была сильнее боли. - Ты заслужил то, чтобы найти любовь и жить, зная, что на земле есть человек, чье счастье для тебя дороже собственного.

- Нет, черт возьми! Ты не оставишь меня! - Он обернулся к матери, яростно сверкая глазами. - Если она уйдет, я тебе этого не прошу!

В его голосе слышалась железная убежденность. Но Оксана не отвела взгляда:

- Почему, Максим? Почему ты готов отвернуться от семьи?

- Она - моя!

- А ты - ее? - неодобрительно переспросила королева.

Джиллиан наконец до конца поняла эту женщину. Король Федир так и не стал ее мужчиной. А ведь она отдала ему всю свою душу и всю жизнь. А он растоптал эти дары и ушел прочь, даже не обернувшись.

- Да, я - ее, - угрожающе ответил Макс, изо всей силы прижимая к себе Джиллиан.

Она вскрикнула, но Макс не разжал объятий.

- С тобой все в порядке? - спросил он.

Она растерянно кивнула. Сказать по правде, она даже не предполагала, что их разговор может зайти так далеко.

«Роллс-ройс» мягко затормозил. Оксана бросила на сына пронзительный взгляд:

- Ты скажешь ей нужные слова. Ты ничего не утаишь от женщины, любовь которой столь велика, что она готова дать тебе свободу, ради твоего счастья пожертвовав собственной душой.

Выйдя из лимузина, королева, не оглядываясь, двинулась во дворец. Макс, все еще напряженный, вышел вслед за ней, а с ним и Джиллиан, которую принц явно не собирался отпускать. Окончательно и бесповоротно.

Джиллиан едва замечала строгую красоту дворцовой архитектуры, роскошь внутренней отделки. Ее глаза были прикованы к мужчине, который вел ее за собой по просторному дворцовому холлу, вверх по мраморной лестнице и дальше по длинному коридору. Наконец они зашли в комнату. Ее строгое, откровенно мужское и вместе с тем роскошное убранство не оставляло сомнений: эти покои могли принадлежать лишь Максу.

- Хочешь принять ванну перед сном? - спросил он.

- Разве у меня не будет своей комнаты?

Макс пожал плечами, словно это не имело никакого значения.

- Я думала, ты стремишься избегать внимания прессы, - произнесла Джиллиан. - А вдруг кто-нибудь заметит, что я сплю у тебя? Тебя это не смущает?

- Я - наследный принц, и мне никто не посмеет задавать вопросы.

- Журналисты не задают вопросов. Они сообщают новости.

- Ну и пусть сообщают.

- Макс! Ты что, совсем ничего не понимаешь?

Он напряженно посмотрел на нее. Такой бури чувств она еще никогда не видела на его лице.

- Я думал, мать попытается уговорить тебя бросить меня.

- Зачем? Ты же говорил, что я, как будущая невестка, ее вполне устраиваю?

Макс явно паниковал, и паника эта не имела ничего общего с реальностью, держась лишь на эмоциях.

А это значило, что ее представления об их отношениях безнадежно устарели. Ведь когда-то он говорил, что, общаясь с ней, он отказывается руководствоваться чувствами и прислушивается к голосу разума.

Значит, он лгал ей? А может, и себе самому?

- Она отправилась туда, чтобы встретиться с тобой, ничего мне не сказав. Подобные хитрости плохо кончаются.

- Она не сделала ничего плохого.

- Она предложила тебе бросить меня. - В его голосе слышалась боль от пережитого предательства.

Сердце Джиллиан преисполнилось сочувствия. И тут же у нее в душе, словно пузырьки в шампанском, заиграл лучик надежды.

- Но только после того, как наш ребенок займет свое место в династии Юрковичей.

- Думаешь, только это меня и волнует? - Он страдальчески посмотрел на нее. - Это все, что тебя волнует?
- Ты знаешь, что это не так.
- Тогда почему ты готова бросить меня?
- Чтобы ты мог найти свою любовь.
- Я уже нашел свою любовь! - вскрикнул Макс. Его била дрожь, казалось, он больше не может сдерживать своего чувства. Чувства, которого, как раньше думала Джиллиан, он не испытывал.
- Но ты же бросил меня.
- Я не должен был этого делать.
- Тебе нужны наследники.
- Мне нужна ты.
- Правда? - тихо переспросила она. Ее душа расцветала, точно роза под ласковыми солнечными лучами.

Макс пристально взглянул на нее:

- *Kohana toja!* Моя жизнь - для тебя. Мои мысли заняты одной тобой. Когда я был на совещании, я вдруг забыл, где я, и с удивлением обнаружил, что строчу тебе эсэмэску. Присутствовавшие бизнесмены и политики наверняка решили, что я общаюсь с кем-то куда более важным, чем они. И они были правы - но не в том смысле, который они себе вообразили.

По его голосу было понятно, что он сам до конца этого не понимает.

- Когда я думаю, что мы можем опять расстаться, меня охватывает ужас. - От экспрессии и искренности, сквозившей в его словах, на глаза Джиллиан навернулись слезы. - Как ты это назовешь?

- Любовью. Я скажу, что это любовь.

Неужели это правда?

Макс смотрел на нее с испугом, казавшимся скорее забавным:

- Я только что назвал тебя своей любимой.
- Я об этом не знала.
- Я научу тебя этим словам, чтобы ты смогла говорить их нашим детям.
- Хорошо.

Он упал перед ней на колени с болью в глазах:

- Я люблю тебя. Ты для меня важнее долга. Я люблю тебя! Я долго пытался отрицать это. Нет таких слов, которые могли бы описать мое малодушие и выразить, как сильно я в нем

раскаиваюсь.

- Ты не малодушен. - Да, он просто был человеком, воспитанным в убеждении, что любовь ему не нужна. - Ты просто не мог представить себе этого.

Ей тоже было нелегко поверить в его слова. Слишком сильным был страх, слишком глубоким убеждение в том, что он не любит ее.

Но Оксана это знала, подумала Джиллиан, невольно качая головой от восхищения прозорливостью материнской любви.

- Не качай головой. Я действительно люблю тебя. Быть может, я не говорил тебе об этом, но то, что я делал, должно было убедить тебя в моих чувствах.

- Я просто удивилась интуиции твоей матери.

- Моей матери! - Его голос вновь наполнился гневом.

- Она лишь хотела, чтобы ты признал свою любовь. Она и не думала, что я действительно тебя покину.

- Ты так уверена в этом?

- Если бы ты мыслил рациональнее, ты бы тоже в этом не сомневался.

- Я всегда мыслю рационально.

- Только не тогда, когда впервые в жизни признаешься в любви.

Макс открыл рот, затем закрыл. Джиллиан улыбнулась ему:

- Я тебя люблю, люблю всем сердцем.

- Ты любишь меня так сильно, что готова была отпустить.

- Да.

Наклонившись, он поцеловал ее в живот:

- Наши дети будут знать лишь силу и радость любви.

- И не будут знать ссор.

Макс с плотоядной улыбкой посмотрел на нее:

- Ну, а нам для примирения лучше всего подойдет секс.

- А мы что, ссорились?

- Конечно. Ты даже грозила уйти от меня. - Его руки уже шарили по ее телу, расстегивая пуговицы и молнии.

- Больше никогда.

- Никогда.

Впервые они занимались любовью не скрывая своего чувства, которое словно окутывало их теплым сиянием.

А потом они прижались друг к другу на огромной кровати, и Макс прошептал, зарывшись лицом в ее волосы:

- Скажи это опять.

- Я люблю тебя и никогда тебя не покину.

- Я люблю тебя, *serce moje*.

Да, подумала Джиллиан, она на всю жизнь останется его сердцем – ведь она будет жить в его сердце. И она знала, что так оно и будет.

Эпилог

Их свадьба была одновременно шикарной и интимной. Она состоялась на борту великолепного круизного лайнера. На церемонию прибыли бабушка и дедушка Джиллиан, а также король и королева Воларуса. Демьян исполнял роль свидетеля, а рядом с Джиллиан стояла ее бабушка, и слезы катились по ее морщинистым щекам.

Вслед за свадьбой состоялся грандиозный прием. Но газеты шумели о нем лишь несколько дней. Через полгода Джиллиан родила. На сей раз журналисты почти не обратили на это внимания, быть может, из-за другой сенсационной новости: Демьян женился на внучке Бартоломью Таннера, сооснователя компании «Юркови-Таннер». Джиллиан сочла эту свадьбу слишком неожиданной. Но она была так поглощена заботами о младенце и радостью быть с любимым, что эта мысль вскоре исчезла, поглощенная ласковыми волнами ее безбрежного счастья.

Оглавление

? Глава 1

? Глава 2

? Глава 3

? Глава 4

? Глава 5

? Глава 6

? Глава 7

? Глава 8

? Глава 9

? Глава 10

? Глава 11

? Эпилог

mir-knigi.org